

ИРИНА КОТОВА

6
КОРОЛЕВСКАЯ
КРОВЬ

МЕМНОЕ НАСЛЕДИЕ

Королевская кровь

Ирина Котова

**Королевская кровь.
Темное наследие**

«Котова Ирина »

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Котова И. В.

Королевская кровь. Темное наследие / И. В. Котова — «Котова Ирина », 2018 — (Королевская кровь)

ISBN 978-5-17-982913-3

Иногда жизнь ставит перед нелегким выбором, в котором все решения - плохи. Люку Дармонширу предстоит завершать расследование, которое напрямую ведет к темным тайнам монарших домов. И это может стоить ему жизни. Марине Рудлог придется делать выбор между семьей и подругой. И он может стоить ей самоуважения и свободы. Но бывает выбор, за который платят кровью. Можно ли совершить преступление, если это спасет честь семьи? Или пожертвовать другими людьми, если мир стоит на грани из-за темного наследия прошлых веков? Каждый принимает решение сам. Главное – помнить, что и плата за него неизбежна.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-982913-3

© Котова И. В., 2018
© Котова Ирина , 2018

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	41
Глава 4	59
Глава 5	81
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Ирина Котова

Королевская кровь. Темное наследие

Книги серии «Королевская кровь»:

- «Королевская кровь-1. Сорванный венец»
- «Королевская кровь-2. Скрытое пламя»
- «Королевская кровь-3. Проклятый трон»
- «Королевская кровь-4. Связанные судьбы»
- «Королевская кровь-5. Медвежье солнце»
- «КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ-6. ТЕМНОЕ НАСЛЕДИЕ»
- «Королевская кровь-7. Огненный путь»
- «Королевская кровь-8. Расколотый мир»
- «Королевская кровь-9. Горький пепел»
- «Королевская кровь-10. Стальные небеса»
- «Королевская кровь-11» (планируется к выходу)

Часть первая

Глава 1

На оженном материке Туна над серыми наплывами остывающей лавы раздувался огромный пространственный пузырь. Из-за нестабильности материковой коры прорывы здесь случались гораздо чаще, чем на другом краю Туры, но даже если появлялись из них твари Нижнего мира, выжить на жестоком континенте не удалось еще ни одной.

Переливающийся перламутром шар дрогнул, раскрываясь длинными рваными «лепестками», и замер. Неподалеку ревели два парных вулкана, извергая жидкую лаву, вокруг с клекотом и бульканьем били струи пара из земных недр. А в глубине гигантского «тюльпана» появилась неестественно вытянутая парящая тень. Попробовала сделать движение вперед и застыла, зло полоснув по тонкой ткани перехода черной когтистой лапой – перегородка упруго

и мягко спружинила обратно. Сама Тура сопротивлялась проникновению в мир иной силы. Тень присела на корточки, приняхиваясь, и вдруг метнулась назад, прочь от перехода.

Из клубов серого, подрагивающего от жара марева соткалась фигура огненного бога, Красного Воина. Великий прошел по багровому в золото лавовому потоку – под ногами бога вспыхивали искры, под широкую ладонь ластились, радуясь присутствию повелителя, огромные пламенные духи, похожие на гигантских лохматых телят. Он ласково гладил их по лбам, по текучим огненным шкуркам, и огневики мотали головами и ревели от счастья, заглушая гул вулканов.

Пространственный «цветок» уже трепетал, истончаясь, – но все же рядом с ним отчетливо разило иной, чуждой Туре силой. И Вечный Воин остановился, ловя отголоски этой силы и хмурясь.

«К нам пытался пробраться чужак, – сказал он остальным Великим Стихиям. – Из Нижнего мира. Будьте готовы».

Середина декабря, Бермонт

Из заявления для прессы, сделанного Его Величеством Демьяном Бермонтом:

«Благодаря самоотверженности и смелости моей возлюбленной супруги, королевы Полины-Иоанны, я жив и здоров. Жена моя, пожертвовав собой, утратила человеческую ипостась, разум ее спит, душа не откликается. Я сделаю все, чтобы вернуть ее. Благодарю жителей Бермонта за верность. Те же, кто не сумел пройти это время с честью, понесут свое наказание».

Давно в Бермонте не случилось такой вспышки религиозного рвения. Днем и ночью люди нескончаемым потоком шли в храмы и часовни, отстаивали многочасовые очереди, чтобы помолиться за здоровье королевы. И так много было жертв, что ароматические масла изливались из чаш у подножия статуй Великих Стихий, пропитывали песок, растекались по каменным полам, чтобы потом вознестись молебным облаком к небесным чертогам.

Но боги молчали.

Четверг, 15 декабря

Наступили дни полнолуния, и к молитвам о возвращении супруги короля присоединились почти восемьдесят берманских кланов, земли которых растянулись от Медвежьих гор на юге, где находилась граница с Рудлогом, до острых северных фьордов, где холодное лето стояло один месяц в году. Мятежные линдморы, послушные слову монарха, ушли в тундру и леса в медвежьей ипостаси – и никто не смог снова обернуться человеком. Большинство из них все же было любимо своими детьми, искренне оплакивающими родителей. И пусть где-то продолжали шептаться, что воздаяние, назначенное королем, несправедливо, что в нем говорят горе и злость, ведь он был все равно что мертв, и, не касаясь это его лично, он бы первый приказал уничтожить зараженного бермана... Но условие – возвращение королевы – было озвучено, и никто не оказался достаточно глуп, чтобы посметь оспорить его. Все понимали: от кровавой расправы их кланы уберегло только чудо. И даже самые ревностные хулители короля не приняли его неожиданную милость за слабость.

* * *

Королеве Полине, пребывающей в медвежьей шкуре, молитвы никак не помогали. Ее перенесли в центральный двор, закрытый погодным куполом, приставили слуг, и слабая тощая

медведица почти весь день лежала на боку и дремала, облегчая работу виталистам. Все: и врачи, и маги жизни – хором твердили, что ее величество истощена до предела, что ее нужно кормить как можно больше, потому что капельницами тут не поможешь, вите необходимо крепкое тело, иначе все усилия впустую. И двигаться она должна, хотя бы немного, иначе мышцы совсем атрофируются.

Сердобольные гвардейцы натащили королеве в лесок живых зайцев и полосатых поросят, но охотиться у нее не было сил, и зверье совершенно обнаглело – топталось прямо перед мордой, скакало вокруг, прячась при появлении берманов и людей.

Немного оживлялась медведица, только когда приходил Демьян. Глухо, угрожающе ворчала на него и пыталась отползти.

Тело помнило боль и запах мучителя, инстинкт требовал бежать. Но человек приносил ей свежего мяса и сладких ягод, медовых сот, кореньев, спелых орехов и птичьих яиц, бесстрашно зажимал ее голову рукой и заставлял есть, частенько потом уходя с прокушенной ладонью или израненной грудью. Или оборачивался громадным медведем – чуть ли не в два раза больше нее, – обнюхивал, вылизывал морду, живот, тыкал носом, рычал: вставай, мол, иди! Нужно двигаться! Смотри, какое озеро, как можно полежать в воде, попить! Я специально для тебя запустил туда толстую форель и карпов. Знаешь, как это вкусно?

Пол стонала и плакала, и не прельщали ее ни принесенные, еще трепещущие и остро пахнущие кровью зайцы, ни крупная жирная рыба. И глотала она, подчиняясь рыку большого самца, и встать пыталась – но тут же падала от слабости.

И только охранники на входе во внутренний двор видели, каким бледным и мрачным от горя возвращается в замок их монарх. С подданными Демьян оставался сух и любезен, и лишь участвовавшие вспышки гнева да звериные желтые глаза выдавали тяжесть, которую нес он в себе.

Все полнолуние большой медведь провел с Полиной – спал рядом, грея жарким боком, ворочал ее, драл перед ее носом поросят, чтобы пробудить интерес к жизни. Полину сейчас он воспринимал как зверя. Без проблесков сознания, без ощущения спящего человека внутри, как было, когда она оборачивалась в прошлое полнолуние. Тогда до нее можно было дозваться. А сейчас – нет. Но он все равно звал – и не слышал отклика. Да и мыслей там как таковых не было. Только ощущения. Больно. Слабость. Сонливость. Приевшийся уже тупой голод и тошнота после еды. Раздражение и угроза в сторону людей. Страх по отношению к нему, Демьяну, и усталая покорность ему же в медвежьей ипостаси.

В день, когда произошло исцеление, он спустился в часовню Хозяина лесов в сопровождении гулко ступающих стражей-варрантов. Каменные медведи, подойдя ко входу, послушно встали на свои места, слились со стеной, застыли. А король приложил кольцо к двери и вошел внутрь. И не был Демьян Бермонт трусом, но ему пришлось преодолеть свой стыд и свою боль, чтобы сделать шаг в окрашенные безумием воспоминания.

«Демьян. Милый. Это же я. Демьянчик, родной мой...»

Запах крови и слез. Мечущаяся жертва, которая так долго убегала и так сладка на вкус. Она прыгает от него, кричит, боится, и охотничий инстинкт заглушает рассудок. Хочется больше крови и сочного мяса, но запах молодой самки смущает зверя, и он вынюхивает жертву, снова пробует ее кровь.

«Ты обещал, что мне не нужно тебя бояться!»

Короткий поцелуй, резкое движение, вызвавшее ярость – и за несколько мгновений переплавившее жажду крови в жажду иного свойства.

«Я твоя жена! Жена!»

Бермонт опустил перед окровавленным алтарем на колени, прислонился к нему лбом. Запахи все еще были сильны, и руки на теплом камне сами по себе сжались, требуя оборота. Не имело значения, что он был заражен, что не контролировал себя. Виноват. Не предусмотрел,

отмахнулся от предупреждения старого Тайкахе и своего божественного покровителя, слишком сильным себя чувствовал, слишком счастливым. Урок собственной ничтожности перед судьбой он усвоил хорошо, но какой ценой? Как исправить содеянное по самоуверенности и гордыне?

Бермонт поднял голову, упрямо взглянул на своего божественного прародителя.

«Я подвел тебя. Но я все равно приду к тебе. И ты ответишь мне, чего бы мне это ни стоило».

Бог не стал говорить, хмурясь на дерзость сына своего, и Демьян широкой ладонью провёл по бурым подтекам на алтаре, чувствуя кожей холод скалы, поднимающейся из земных недр. Давным-давно этот камень использовался как брачное ложе для мужчин их рода. Здесь, в полумраке, делал король невесту женой – считалось, что под кровом Хозяина лесов дитя получится сильнее, крепче, и монарх возьмет от женщины больше сил. Но уже несколько сотен лет не брали здесь берманы клана Бермонт своих жен. Только приводили наутро, капали на алтарь кровью в подтверждение того, что брак свершен.

Что же, Демьян чувствовал, как бурлит в его жилах сила, не сравнимая с тем, что была у него прежде, и теплая зима, расходящаяся по Бермонту, подтверждала верность давней традиции. В любом случае он отказался бы и от этой силы, и от этого тепла, только бы вернуть себе Полину.

Под его пальцы мягким ковром застелились поднимающиеся с каменного пола новорожденные светло-зеленые мхи, закрывая и руны по краям алтаря, и кровь жены, а черный камень от отчаяния потомка Хозяина лесов вдруг начал со стоном уходить обратно в скалу – Демьян отнял руки, посмотрел на вдавленные в плиту глубокие отпечатки ладоней, уже зарастающие мхом, поднялся и вышел.

Вечером к дверям его покоев пришел Свенсен. Попросил выслушать, опустился на колени, снял нож, положив его перед собой. И, ничего не утаивая, рассказал, как с другими берманами искал взбесившегося короля, чтобы убить его.

– Ты волен взыскать с меня, – сказал Свенсен покаянно. – Единственным человеком, кто верил, что тебя можно спасти, была твоя королева. И если бы мы нашли тебя раньше, то ты был бы мертв. Она спасла тебя, увела в тайный ход – дверь захлопнулась прежде, чем мы проникли туда. Спасла и второй раз здесь, в коридоре. И третий, – добавил он тяжело.

– Встань, Хиль, – сухо ответил Бермонт. – Ты знаешь, что я поступил бы так же. Потому я и не уничтожил нападавших, что они были правы – по сути, не по чести. По чести они должны были служить Полине, пока я не умер, но кто мог подумать, что существует спасение? Встань. Мне не за что тебя винить. Только себя.

Свенсен поднялся, взглянул на хмурого короля.

– Что ты будешь теперь делать? – спросил он. – Что я могу сделать для тебя?

– Сейчас – к жене, – сообщил Демьян. – Ночь буду с ней, а завтра отвезешь меня к Тайкахе. Хочу поговорить с ним.

Эту ночь он не спал – слушал биение сердца и сиплое дыхание своей медведицы, устроившись рядом и глядя на мерцающую поверхность пруда, мягко тыкал ее носом, когда она начинала едва слышно поскуливать, подпихивал к пасти мясо. Наутро силой напоил ее водой с медом, залечил укусы на себе и улетел в тундру.

* * *

Старый шаман на морозе, при свете короткого дня – еще немного на север, и начнется долгая полярная ночь, – под трепещущими занавесями северного сияния свежавал оленя. И на запах крови прибежали и крутившиеся неподалеку волки, чующие силу старого человека и не смевшие приближаться, и пушистые юркие песцы, и остроносые тывкающие лисы, которые

задирали мордочки и жадно нюхали воздух. Бермонту и самому был приятен запах свежей крови, но пришел он не за этим. Демьян сел на снег, скрестив ноги и ожидая, пока старик закончит свое дело. Тот только покосился на него, срезая острым лезвием куски мяса и выкладывая их на свежеснятую шкуру – замерзнет, вымерзнет, вкусно будет.

Долго шаман орудовал ножом. Кинул потроха подбежавшим хищникам, цыкнул на них, начавших жадную возню с рычанием, – и зверье послушалось, стало есть чинно, не огрызаясь и не пытаясь утащить кусок побольше. Выломал пару ребер со свежатиной, сел перед королем на снег, отдал одно ему измазанными в крови пальцами, сам вгрызся в другое.

Некоторое время мужчины молча ели. Затем умылись снегом – тот окрасился в розовый, кровавый. Тайкахе требовательно протянул руку, и Демьян отдал ему обглоданное ребро. Шаман несколько минут всматривался в него, вслушивался, и лицо старика с красными разводами казалось даже жутковатым.

– Великий Медведь сердится, – скрипуче сказал он наконец.

– Это я чувю, – тяжело ответил Демьян, – поэтому и хочу узнать всё, что ты можешь мне сказать, прежде чем идти за помощью.

– Лапа у него тяжелая, – шаман искоса, прищурившись, взглянул на короля. – Обождal бы.

– Переживу, – Демьян погладил по шкурке подбежавшего лисенка, и тот быстро-быстро стал облизывать его пальцы. – Ты ощущаешь мою жену сейчас, Тайкахе? Что ты видел?

– Прошное видел, алтарь в крови и брак свершившийся. И будущее видел, солнце целительное и сына вашего, – не переставая вертеть в руках оленьё ребро и глядя куда-то сквозь собеседника, сообщил старик, – и смерть жены твоей видел. Запутали меня духи, – он постучал ладонью по снегу, и вокруг заискрились, заблестали взметнувшиеся снежинки, – заиграли. Где явь, где ложь? Видел я, как душа уходит на оборот, а что дальше – живым уже недоступно, медвежий сын.

– Позвать душу сможешь? – спросил Бермонт выжидательно.

– Э-хе-хе, – застонал шаман. – Лучше тебя никто не позовет, медвежий сын. Но обряд проведу, не сомневайся. Только надо, чтобы было куда душе возвращаться. В хилом теле не задержится. Приходи, когда здорова телом будет.

Он снова завздохал, открыл рот, будто собираясь что-то сказать, закрыл его. И все-таки произнес:

– Иди, медвежий сын. И не печалься. Замыслы богов трудно понять из-за краткости нашей жизни. Но так я думаю: все это нужно было, чтобы твою силу увеличить. Теплынь-то какая, – он махнул рукой, сощурился, и Демьян невольно усмехнулся – морозец хорошо щипал кожу, но для этого времени и правда было тепло. – А может, еще для чего пригодится, мой король? Да и чем сложнее цель, тем больше вира. Твою виру заплатила жена. Но сам подумай: не было бы твоей крови в ней – она бы уже умерла. Не всегда плохое плохо. Бывает, плохое оборачивается хорошим.

Луна стояла высоко в небе, освещая засыпающий Ренсинфорс голубым сиянием, когда Бермонт вернулся в замок. И прямо из подземного огромного гаража пошел к своей Полине. Она опять дремала, беспокойно подергивая лапами, и замерла, только когда Демьян обернулся и лег рядом.

* * *

На следующий день он снова приказал подготовить листоlet. Но полетел теперь на запад – туда, где среди густого и глухого леса, во впадине между двумя сопками находилось огромное, никогда не замерзающее озеро.

Посередине этого озера стоял остров, ставший местом последнего пристанища первого Бермонта, воплощенного Зеленого Пахаря, Михаила. Никто не знал об этом, кроме членов королевской семьи. Местные к озеру не подходили – вокруг случались вещи ужасные и таинственные, и поэтому его огибали стороной. Не работали рядом магические механизмы, не было проложено к нему дорог. И король Демьян, оставив сопровождающих далеко на дороге, куда приземлился листоlet, оборотился в медведя и потрусил по глубокому снегу к озеру, широко раскинувшему холодные и вязкие языки тумана. С каждым шагом туман становился плотнее, и скоро медведь уже шел в тихом сверкающем на солнце молоке, густом, таком плотном, что даже хруст снега под лапами казался приглушенным.

Двигался он долго: солнце уже прошло треть небосвода, когда под лапами наконец захрустела ледяная крошка, а затем захлюпала вязкая глина, покрытая почерневшей хвоей и острыми шишками. Зашуршала зеленая осока, раздвигаемая тяжелым зверем. Медведь глотнул теплой воды – телу сразу стало радостно и хорошо – и, шагнув в воду, поплыл, быстро перебирая лапами и задрав нос кверху.

Остров он бы не пропустил – даже в тумане тот светился зеленоватым травяным сиянием, которое ленивыми волнами растекалось по водной глади. Среди окружающих его снегов на поверхности озера цвели кувшинки, вокруг квакали лягушки. Плескала рыба, и Бермонт не удержался – схватил одну особо наглую, зажал в пасти трепыхающееся скользкое тело и поплыл быстрее: очень хотелось поскорее съесть добычу.

На остров он ступил через полчаса. Но прежде, на мелководье, зажал рыбу лапой и в два присеста заглотил ее. Попил и обернулся в человека.

В нескольких метрах от берега травы вымахали по пояс, и дух кругом разливался сочный и летний, хвойный, яблочный. Высокими стражами вставали зеленые ели, окружая остров по периметру, – искололи короля, мягко предупреждая: не ходи, не тревожь праотца. Но Бермонт шел, и взгляд его то и дело выхватывал то крепкий белый грибок, то россыпь красноголовиков в желтой хвое, то яркие пятна лисичек во мху. Шмыгали вокруг зайцы, взволнованно щебетали птицы: «Стой, не ходи», – и в стрекоте любопытных пушистых белок он тоже слышал предупреждение.

Недовольство своего отца Демьян почувствовал задолго до того, как вышел к могиле. Как будто кто-то крепкой рукой давил на шею, заставлял склонять голову, напрягать мышцы, чтобы двигаться дальше. И остров начало едва заметно потряхивать, и деревья вокруг качались, шелестели тревожно, предостерегающе.

Через несколько минут король ступил на яблоневую поляну. То тут, то там виднелись молодые яблоньки, а посреди стояла мать этого сада – высокая, крепкая, с кроной, которая, казалось, покрывала весь остров. Увидел он тут и лосиху с лосятами, поедающих паданцы, и топчущих под ногами бесстрашных ежей, и спящих, свернувшихся клубочками волков. Здесь все сосуществовало в мире, и никто бы не посмел пролить кровь другого живого существа.

Когда-то давно, несколько тысяч лет назад, этот остров был голым камнем, монолитом, поднимающимся из холодных вод озера. После смерти Михаила Бермонта прямо из скалы посреди острова выдолбили тяжелый саркофаг и положили туда почившего короля.

А через несколько лет из-под могилы поднялась яблоня. Необычная, с шестью стволами, оплетшими тяжелую гробницу великого вождя и снова соединившимися над ней. Яблоня пошла в рост и вширь, подняла саркофаг на высоту, пробила корнями камень, уйдя куда-то в неведомые глубины, и раскинула свою крону над островом. Саркофаг и сейчас был виден в десятке метров над землей, мерцающий зеленью, как огромный неограниченный изумруд в древесной оправе.

До яблони оставалось несколько десятков шагов, когда давление гнева стало невыносимым – и Бермонт рухнул на колени, склонил голову.

– Верни ее мне, отец, – произнес он громко. – Я виноват; накажи, как посчитаешь нужным. Только верни ее.

Остров завибрировал от нутряного земляного рычания – и заревели, расходясь к берегам озера, поднявшиеся высокие волны. Громко хрустнула отломанная яблоневая ветка – и на спину склонившегося короля обрушился тяжелый удар, оставляя красный рубец. Демьян только сжал зубы и склонился еще больше. И лишь вздрагивал, когда на спину опускался очередной удар.

Остановился праотец, только когда ветка разлетелась, не выдержав силы воспитательного рвения.

Могила Михаила Бермонта

– Уходи, – раздался тяжелый рык, – и не смей возвращаться. Будет тебе урок.

– Не пойду, – упрямо сказал Демьян. – Верни ее, отец. Год здесь стоять буду, два, пока не смягчишься. Верни.

– Выкину, – сердито рявкнули рядом с ним. Но уже без истовости, с усмешкой. Мохнатая лапа прошлась по спине, снимая боль, залечивая раны. Погладила по голове. – Не за то бил, сын, – сказал уже низким человеческим голосом, – что зол на тебя, а в науку, чтобы думал

впредь, за что ответственен. Раз пришел, не спрятался, не испугался, да и вину признал – скажу тебе. Над душами я не властен, однако жди Михайлова дня. Если и вернется она, то только тогда, когда звери и люди ближе всего друг к другу. Больше ничего не открою. Сейчас надо нам беречь силы, сын. И ты не подводи меня впредь.

Бермонт поклонился, так и не обернувшись, – а пространство вокруг поплыло, и он выпал на снег прямо перед ожидающим его листолетом. Оттуда выскочили охранники, глядя, как поднимается с земли нагой король – а сверху на белый покров красно-желтым сочным дождем сыплются спелые ароматные яблоки.

* * *

Игорь Иванович от уколов, примочек и виталистических процедур проспал почти два дня. Только просыпаясь – тебе вкачивают антибиотик, кормят, провожают до удобств и снова зовут виталиста. Мышцы периодически прихватывало судорогами, и тело болело так, будто он неделю в одиночку камнями ворочал. «Воздействие тока, – объяснил доктор, – вы еще легко отделались, чудо, что не парализовало».

Имя чуду было Люджина Дробжек. Сколько же она влила в него резерва, что не только завела сердце, но и фактически сняла последствия стихийного разряда?

На второй день Игоря, категорически отказавшегося от очередного сеанса виталиста – чувствовал он себя уже нормально, хотя красные ветвистые ожоги на груди заживали неохотно, да и пулевое немного беспокоило, – еще раз навестил Свенсен.

Ненадолго. Хмурясь, рассказал про ситуацию в замке Бермонт. Передал желание короля Демьяна встретиться с Игорем и Люджиной, когда они встанут на ноги, чтобы наградить за спасение Тарьи и выигрыш времени для королевы. И ушел, торопясь, оставив Стрелковского сжимать кулаки от тупой боли в сердце и очередной вспышки тягостного чувства вины и бессилия. Похоже, он приносит несчастье всем женщинам, которые ему дороги. И, как ни изворачивайся, ни прыгай выше себя, защитить их не получается. И Полину не уберег. Был рядом, да, но в результате она и боролась сама, и победила сама – только страшной ценой.

Игорь сжал зубы, сел на кровати, ограждаясь от привычно уносящих его в тусклое болото безнадежности мыслей и переключаясь на рабочий режим. Нужно было связаться с Тандаджи, обсудить дальнейшие действия. Полковник поискал взглядом телефон, выругался – вспомнил, что он сгорел от разряда, – вызвал медсестру и попросил дать ему позвонить. Набрав Тандаджи, кратко описал произошедшее и потребовал перевести их с Дробжек в Рудлог.

– Я уже в курсе, – коротко сказал тидусс. – Запрос на перевод послал, ты мне здесь нужен. Зашиваюсь, Игорь. Как будет известен ответ – сообщу. Телефон тебе передадут. Лечись.

Зашел врач, строго и терпеливо предложил пациенту лечь в постель и принять виталиста.

– После таких травм неделями в постели лежат, – пробурчал он, – а вы уже скачете. Вам нельзя напрягаться. Хотите поскорее встать на ноги – не мешайте лечению. Что вы делаете?

– Я сейчас, доктор, – вежливо произнес Игорь, вставая. Проковылял мимо хмурого эскулапа, открыл дверь, добрал до палаты Люджины, заглянул туда и медленно потащился обратно. Она спала.

– А спросить? – с невозмутимой иронией поинтересовался врач. – У вас с ней время сна и бодрствования не совпадают. Вы спите – она просыпается. Все нормально, идет на поправку.

– Я сам увидеть хотел, – объяснил Стрелковский, растягиваясь на койке. – Зовите вашего виталиста, доктор, не буду больше нарушать режим.

Полковнику опять сделали какой-то болезненный укол, намазали грудь и плечи прохладной, приятно пахнущей травой мазью – и виталист отправил его в сон.

На следующий день Игорь терпеливо перенес все процедуры, но вместо того чтобы спать, как этого требовал организм, опять упорно потащился до палаты напарницы. Открыл дверь.

Капитан наконец-то бодрствовала – сидела в койке, опираясь на спинку, и из большой кружки пила чай, периодически откусывая от огромного куска вкусно пахнущего пирога. Вся палата была уставлена цветами – так много было их, что на светлых стенах и полу плясали разноцветные отблески. И запах стоял сладковато-горький, цветочно-лекарственный. Стрелковский так изумился, что даже поздороваться забыл.

– А это откуда?

– А это, шеф, ко мне берманские гвардейцы ходят, – с иронией ответила Дробжек. Голос ее был слабым, к вене шла трубка капельницы. – Носят цветы, пироги. Кто хвалит, кто замуж зовет. Один даже с матерью пришел, в два голоса уговаривали.

– А вы? – поинтересовался Игорь небрежно, подходя к кровати. Прямо рядом с напарницей, на тумбочке стояло блюдо с большим яблочным пирогом.

– А я отказала, – в тон ему сообщила Люджина. Потянулась, похрустела тонкими кистями. – Поскорее бы уже в силу войти и уехать отсюда, Игорь Иванович. Сил нет лежать больше. Короля-то спасли, слышали?

– Слышал, – хмуро сказал Игорь. Огляделся, взял стул и сел вплотную к кровати, вглядываясь в бледное лицо напарницы. Выглядела она довольно бодро, несмотря на заострившиеся скулы и синяки под глазами, а отросшие черные волосы, взъерошенные после сна, делали ее похожей на ежа. – И про ее величество слышал. Свенсен приходил, рассказал.

Напарница внимательно взглянула на него.

– Себя вините, шеф? Вы думаете, если бы были рядом, смогли бы помешать?

Игорь помолчал.

– Полина, – произнес он суховато, – это моя ответственность перед той, кому я служил. И мой личный долг. С которым я не справился.

Люджина словно потускнела, положила пирог на тарелку.

– Вы сделали всё, что было в ваших силах, Игорь Иванович, – медленно и осторожно сказала она. – Откуда у вас к сорока семи годам столько остаточного перфекционизма? И, знаете, я почему-то уверена, что ее величество вернется. В ней столько воли и любви, что другое и представить невозможно.

– Мать ее была такой же, – тихо проговорил Игорь. – Однако погибла.

– Но ее величество Полина-то жива, – строго возразила Люджина. – Да и Бермонт теперь за нее отвечает – и он всё сделает, чтобы жену вернуть. Вы посмотрите с другой стороны. Хоть и потрепаны, но все мы живы.

– Действительно, – Игорь легко улыбнулся. – Я ведь не поблагодарил вас, Люджина. Я вам, наверное, килограмм двадцати мышц стоил. Вы меня спасли.

– А вы – меня, – ворчливо ответила северянка. – Хотя, честно говоря, зря вы поскакали сломя голову меня выручать, вместо того чтобы дождаться группу захвата. Куда это годится?

– Вы бы не продержались, Дробжек, – возразил Стрелковский. – Несмотря на виртуозное владение табуреткой.

Капитан усмехнулась, оглядела его с ног до головы. Некоторое время они так смотрели друг на друга – он перевел взгляд с осунувшегося лица на тонкие руки, наклонился и стянул с нее одеяло. В больничном костюме Дробжек действительно выглядела очень исхудавшей. Но не так страшно, как представлялось. Он скользнул взглядом по ногам, выше, остановился на опавшей груди, и Люджина ссутулилась, прикрылась рукой.

– Ушла красота-то, Игорь Иванович, – сказала она чересчур бодрым тоном.

– Мне хватит, – ответил он серьезно. – Буду вас откармливать, Люджина. Еще пару дней полежите – и домой. И беречь себя, – он коснулся ладонью ее живота и осторожно, неуверенно его погладил. Северянка неожиданно покраснела.

– Сообщили уже, Игорь Иванович? Вы не думайте, я не планировала... так. Вы не беспокойтесь.

– Что за глупости, Люджина? – недоуменно спросил Стрелковский. Дробжек прерывисто вздохнула, подергала воротник зеленой больничной рубашки и прямо взглянула на него.

– Я не забеременела специально, чтобы привязать вас, – четко проговорила она. – И если вам это ни к чему, то я спокойно уеду к матери и не буду вам мешать.

– Люджина, – сказал он терпеливо, – я еще в своем уме. Естественно, вы не планировали. Вы вообще не способны на хитрость. Жить вы будете со мной, в моем доме, растить нашего ребенка. И если вы вздумаете уехать, я очень рассержусь. Мы же всё обговорили.

– Дело в том, Игорь Иванович, – спокойно пояснила Люджина, – что раньше вы были свободны в своих решениях. А сейчас чувствуете ответственность. И благодарность. Я хочу, чтобы вы понимали: вас это никак не обязывает.

– Боги, Дробжек, – Стрелковский раздраженно качнулся на стуле, – ешьте лучше ваш пирог и молчите. Когда вы начинаете показывать свою независимость и готовность исчезнуть в любой момент, у меня возникает желание вас отшлепать.

Она хмыкнула, и в звуке этом отчетливо прозвучало: «Ну попробуйте». Открыла рот, чтобы что-то возразить, но не успела – Игорь аккуратно пересел к ней на кровать, подтянул к себе и обнял.

– Черт, – сказал он ей в шею, проводя ладонью по боку, – я чувствую ваши ребра. Я как-то привык уже к тому, что вы мягкая, Дробжек, и я не рискую ушибиться о кости или сломать пальцы, обнимая вас. Будет повару работа. Вы встать сейчас можете?

– Могу, – голос ее был тихим. Игорь гладил по выступающему позвоночнику кончиками пальцев, и северянка замерла, положив голову ему на плечо. – Но руки-ноги трясутся. Восстановлюсь. Мышцы нарастут. Главное, чтобы не жир.

– Ну, будете еще мягче, – Игорь не удержался, сжал ее грудь – увы, и правда стала меньше, – и капитан ответила смешком:

– Потеряли любимую игрушку, полковник?

Напряжение и неловкость последних минут вдруг испарились, стало весело.

– Ничего, – сказал он, с неким даже озорством заглядывая в ворот рубахи, – кормить будете – вырастет. Хотя и так, – Игорь погладил мягкое полушарие, снова сжал, и глаза Люджины потемнели, губы приоткрылись, – хорошо. Дробжек, – твердо произнес он ей в губы, – больше никаких перестрелок, никаких заданий. Будете сидеть дома.

– Вы такой смешной, Игорь Иванович, – пробормотала она снисходительно. – Все время думаете, что я хрустальная. Не развалюсь. Я пока еще сотрудник Зеленого крыла. И уходить не собираюсь.

Он стиснул ее сильнее.

– Тогда будете в кабинете сидеть, Дробжек. Или в отпуск отправлю долгосрочный. Или вообще уволю.

– А это уж как вы пожелаете, Игорь Иванович, – согласилась северянка весело. – Ваше право. Я тогда обратно к полковнику Тандаджи попрошусь.

Скрипнула дверь. Они повернули головы – на пороге стоял Тандаджи собственной персоной и разглядывал их с каменным выражением на лице.

– Выздоровление идет полным ходом, как я погляжу, – с едва заметным ехидством произнес он. Капитан покраснела, отстранилась, и Стрелковский, с укоризной посмотрев на тидусса, пересел обратно на стул.

– Доброго дня, полковник, – невозмутимо поздоровался Игорь, – присаживайся. Какими судьбами?

– Пришел лично убедиться, что вы не при смерти, – Тандаджи аккуратно сел на стул, сложил руки на коленях. – Убедился. Теперь надо дожидаться выписки.

– Мне говорят, еще дня три минимум, Майло, – с сожалением ответил Игорь. – Разве что ты раньше организуешь нам транспортировку в Рудлог.

– Организую, – легко согласился Тандаджи. – Запрос одобрили, так что сегодня вечером или завтра с утра переведут вас в Иоаннесбург. В Королевский лазарет.

– И нужно что-то решать с гвардией.

Тидусс едва заметно улыбнулся.

– Решили уже. Гвардия остается в замке по личному распоряжению Бермонта. Он сказал: «Жена у меня есть, королева у страны есть, не вижу причин отзывать гвардейцев». Я поставил Осинского командиром, будут при королеве, заодно и сведения нужные соберут. А тебя, Игорь Иванович, работа ждет. Судя по всему, – он взглянул на красную Дробжек, – в кабинет ты вернуться уже можешь. Хотя бы на полдня. Вот из лазарета и будешь ходить. А то я как-то привык уже к тому, что работа по внешней разведке на тебе и что я могу периодически ночевать дома. И, честно скажу, сейчас дел очень много. Супруга меня две недели почти не видит и грозит взорвать Управление – она несколько взбурдована из-за беременности. А мне очень не хотелось бы привлекать ее за терроризм.

– Серьезная угроза, – кивнул Игорь с улыбкой. – Завтра я буду в Управлении, Майло. А капитан, ты уж извини, пока на работу не выйдет. Может, и вообще не выйдет.

– Сначала напиши запрос на перевод в твоё подразделение, – ледяным тоном сказал тидусс. – А потом уже решай. А вы, капитан, – обратился он к Люджине, – не хотите ли остаться на оперативной работе? В службе внутренней безопасности?

– Я, господин полковник, с Игорем Ивановичем останусь, – твердо сказала Дробжек.

– Конечно, – сухо ответил тидусс и удовлетворенно качнул головой. И добавил с иронией: – Но если он вас уволит, приходите ко мне. Для вас место всегда найдется. Вы отлично справляетесь с самыми сложными заданиями.

Стрелковский сощурился, Тандаджи ответил ему невинным и равнодушным взглядом. Дальше разговор зашел о текущих делах. Господа полковники сильно увлеклись импровизированным совещанием и еще долго бы общались, если бы в палату не заглянул врач и непрерываемо не приказал посетителю удалиться, а пациентам – разойтись по своим койкам. И не испугали старого доктора ни ледяное недовольство одного рудложского полковника, ни раздражение другого. Его дело – лечить, а эмоций за свою жизнь он насмотрелся столько, что они уже не трогали.

Глава 2

12–18 декабря, Иоаннесбург

Марина

оре бывает разным. Кто-то носит его в себе, как Ангелина, и оно изъедает ее изнутри, прорываясь болью в глазах, упрямо вздернутым подбородком и нездоровой бледностью. Кто-то, как Каролина, выплескивает его вовне, растворяя в скипидаре и раз за разом упрямо рисуя солнечно-желтым и улыбчивым образ нашей Пол, распахнувшей руки, хохочущей, стремящейся навстречу, словно собираясь обнять или зашекотать зрителя. Алина рыдает и твердит свои формулы или уходит на мороз гулять с высоким крепким парнем, готовым защитить ее от всего мира. Наш отец спасается от тяжести, помогая нести ее нам.

Мое горе имело вкус злости и табака, стучалось в виски головной болью, выворачивало наизнанку и склеивало ресницы солью – но слезы не приносили облегчения. Отсутствие Полины ощущалось как нехватка дыхания, невозможность вдохнуть полной грудью. Мы жили, привычно чувствуя друг друга, как младенец в утробе матери ощущает биение ее сердца, – только мы слышали вибрации пяти родных сердец. И без одного из них было страшно, тягостно и непривычно.

Видимо, за семь прошедших лет наша связь стала крепче – или мы стали сильнее? Когда ушла мама, ощущения были куда терпимее – или из-за переноса первый удар смазался. В понедельник же, во время операции, которая, по счастью, подходила к концу, меня будто ударило лопнувшей струной – только боль была намного сильнее. Сразу пришло осознание, что Полины на Туре больше нет, окружающее поплыло – и я только успела шагнуть в сторону, чтобы не свалиться на склонившегося над пациентом Эльсена.

Похоже, я стоила главврачу немало седых волос. Когда я очнулась от резкого запаха нашатыря в подсобке для медперсонала, рядом собрались чуть ли не все виталисты больницы, охранники, бормочущие в рации, и сам Новиков, нервно осведомившийся, как я себя чувствую.

Как будто мне вырвали кусок души.

Слезы текли сами по себе, и мне душно и мерзко было находиться среди людей.

– Нашатырь очень едкий, – я едва смогла выдавить из себя первые слова: горло схватывало, и хотелось рыдать, орать и крушить все вокруг. – Все в порядке, Олег Николаевич. Голова почему-то закружилась. Могу я пойти домой?

– Конечно. – Главврач нервно потеребил пуговицу на халате. – Эльсен настойчиво попросил отправить вас отдыхать. Может, вам взять несколько дней в счет отпуска, Марина Михайловна? Я приставлю к Сергею Витальевичу другую сестру.

Моих сил хватило поблагодарить обеспокоенных коллег, попросить не оставлять других пациентов без внимания и, не переодеваясь, добрести до «уголка принцессы», откуда меня забрал Кляйншвитцер.

Трясти меня начало уже в его кабинете, и флегматичный придворный маг как-то ловко и настойчиво заставил выпить склянку со знакомой успокоительной настойкой. Видимо, во дворце она пользовалась большой популярностью, и запасы всегда были под рукой.

Зелье мне не помогло – я лишь отупела и оглохла на пару минут, которых хватило, чтобы дойти до Семейного крыла, – и там уже, за спинами гвардейцев, охраняющих вход в коридор, я начала хватать ртом воздух. Голова снова закружилась, я прислонилась лбом к прохладной стенке и заплакала.

Мне срочно нужны были родные, и я, пошатываясь, пошла по коридору, вытирая мокрые щеки, и одну за другой распахивала двери покоев сестер, отца. Хоть кого-то теплого, своего рядом, чтобы обнять, найти опору!

Но везде было пусто. До студии, где наверняка сидели Каролина и отец, добираться сил не осталось. У последней двери – в детскую – я остановилась. Там взволнованно причитала няня, что-то ровно и успокаивающе говорил Мариан, а мальчишки рыдали в два голоса.

Только меня там не хватало. Я развернулась и пошла к себе. Прогнала горничную, забралась с ногами на кровать и начала судорожно звонить сестрам. Телефон мгновенно намок, и я слушала звонки, всхлипывала и оттирала его ладонью.

Открылась дверь: ко мне вбежала испуганная, растерянная Алинка. Губы ее дрожали, и я притянула ее к себе, заставив сесть рядом, обхватила, не переставая звонить, – и сестренка тоненько завывала мне в плечо.

Ответила Ани.

– Мы уже во дворце, Марина, – голос старшей был сдержанным и немного злым. – Сейчас будем. Отцу я позвонила.

Все собрались в моей комнате. И отец с Каролиной, и крепко обнимающий Василину Мариан. Кажется, только за счет мужа она и держалась – оперлась на него, прильнула, словно желая раствориться. И, вытирая с лица слезы и почему-то поглядывая на молчащую Ани, рассказала о том, что произошло в Бермонте.

– Луциус утверждает, что она в коме, а не умерла, – с неожиданной твердостью добавила Василина. – Тело осталось живо, хоть и ушло в звериную ипостась, значит, душе есть куда вернуться. Я верю, что так и будет.

Что нам оставалось, кроме веры?

– Просто проклятие какое-то, – горько сказала я. – Может, и правда кто-то из предков провинился, а мы теперь расплачиваемся?

Ани остро взглянула на меня и задумчиво опустила глаза.

– Можно навестить ее? – жалобным голосом спросила Алинка и сняла очки. Глаза ее были красными, веки – припухшими. Впрочем, мы все, кроме Ани, Мариана и отца, прижимавшего к себе Каролину, выглядели не лучше.

Василина покачала головой.

– Пока нет, Алиш. После полнолуния я договорюсь с Демьяном о визите. Он обещал держать нас в курсе, но сейчас у него в стране такая политическая ситуация, что не до нас. И мы с Марианом уезжаем в поместье. Полнолуние послезавтра, не хочу лишних тревог.

– Я продержусь здесь, Василина, – мрачно произнес Бай-дек. – Нет нужды, если это не вовремя.

– Дети ведь тоже почувствовали, – кротко ответила она. – Им там будет спокойнее. Поедем, Мариан.

– Но почему Пол так поступила? – расстроено спросила Каролина. И снова Василина бросила на Ани быстрый взгляд, и снова от старшей повеяло холодом. Поругались? Что же там произошло такого, о чем нам не рассказывают?

– Потому что Демьян ей так же дорог, как и мы, Кариш, – вдруг сказала я сипло. – А ради любимого человека можно многим пожертвовать. Хотя я бы очень желала, чтобы она выбрала другой путь. Васюш. – Сестра подняла на меня несчастные глаза. – Только не вини себя. Мы все упертые. Если Поля так решила, то никто не смог бы ей помешать.

– Любовь – очень страшная вещь, – пробормотала Каролина.

И я не могла с ней не согласиться.

* * *

Мариан и Василина уехали утром, забрав с собой мальчишек и Мартинку. А я заставила себя пойти на работу. Были плановые операции, Эльсен надеялся на меня – как я могла оставить его? Старый хирург, когда я пришла, одобрительно хмыкнул и приказал готовить операционную. И я готовила – с гулкой головой и сухими глазами, – и подавала инструмент, и курила в перерывах, и заливалась кофе – и в минуты, когда эмоции захлестывали с головой, твердила себе: «Она жива. Вернется. Обязательно».

Волна отчаяния откатывалась, чтобы через несколько часов – или минут – вернуться снова, и внутри росло уже знакомое напряжение, заставляющее скрипеть зубами и думать о качелях над бездной. О том, что позволит мне стряхнуть его безопасно для окружающих.

По этой же причине я не хотела никого видеть. Старательно сдерживала свой злой язык с родными. Избегала Кати, хотя обещала встретиться с ней. И Мартина – но он, послушав мой бесцветный голос, настойчиво произнес:

– Я позвоню в воскресенье. И если услышу опять эти безнадежные ноты, приду выколу-пывать тебя из скорлупы.

– Мне просто нужно побыть одной, Март, – вздохнула я жалобно. – Не обижайся. Я сейчас в неадеквате. Могу сорваться и натворить такого, что ты меня не простишь никогда.

– Я? – иронично удивился блакориец. – Девочка моя, даже если ты мне голову откусишь, я тебя пойму. Я и сейчас понимаю, – добавил он серьезно. – Трудно улыбаться и шутить, когда все внутри болит. Но я могу просто помолчать с тобой. Звони, когда понадобится, Марин.

Он действительно понимал.

* * *

В четверг я вернулась домой уставшей донельзя. Меня встретил Бобби, которому душевные терзания хозяйки не мешали радостно гавкать и тяпать за пальцы на ногах, просясь погулять. Пришлось выходить в парк.

Подросший пес носился под фонарями по снегу, распугивая синиц, слетевшихся к кормушкам, прыгал на деревья, лаял на прогуливающихся придворных, которые почтительно кланялись мне и приседали в реверансах, обследовал подсвеченный разноцветными огнями ледяной городок, по традиции построенный на зиму и обожаемый Василиниными детьми. А я брела следом, кивая в ответ на приветствия и задумчиво разглядывая расходящиеся в разные стороны дорожки. Так и жизнь. Рано или поздно приходит момент, когда надо выбирать свой путь. Станешь на него – и не свернуть больше. Вот и Пол когда-то давно выбрала свой. И думала ли она, что закончится он так? А если бы знала – стала бы что-то менять?

«Вряд ли. Жизнь не так важна. В конце концов, важно только то, ради чего ты живешь и ради чего готова умереть».

А ради чего живешь ты, Марина?

У меня не было ответа.

* * *

По возвращении меня ждал букет от Люка. Радостный, составленный из солнечных ромашек и небесно-голубых васильков. Пах он летом и немного – больницей, и я, стянув перчатки, обхватила его и с наслаждением вдохнула тонкий успокаивающий запах под недоуменным взглядом горничной.

– Что, Мария? – спросила я.

– Слишком простые цветы для вас, моя госпожа, – чуть сварливо ответила горничная.

Что бы она понимала в цветах.

Я достала телефон – там ожидаемо светилось сообщение.

«Немного радости для тебя».

* * *

Я уже переоделась к ужину и расслабленно курила, поглядывая в телевизор. Диктор вещал с серьезностью проповедника, сюжеты радовали позитивом и ударным оптимизмом, а я невольно улыбалась, косясь на яркий букет.

До тех пор, пока не замелькали на экране кадры из Дармоншира. Ангелина и Люк в какой-то больнице, затем они же – на выставке цветов. Он держит мою сестру за руку, склоняется к ней, улыбается, глядит на нее, сощурившись, что-то говорит журналистам – о, как хорошо я знала этот взгляд и этот голос!

Восхищение в его глазах было неподдельным. И сестра смотрела на него так, как ни на одного мужчину на моей памяти. С приязнью. И одобрением.

Внутри полыхнула злость – я сжала зубы, схватила пепельницу и с яростью швырнула ее в экран. По стеклу побежали трещины, со звоном посыпались вниз осколки, телевизор замерцал и погас, а я вытащила из вазы букет, распахнула окно – в лицо ударило холодом и снежной пылью – и выбросила. И на ужин не пошла. Побоялась наговорить Ангелине гадостей. Разве она виновата, что я ревную? Безумно ревную. Безумно!

Змей Кембритч как почувствовал мое состояние – завибрировал на столике телефон, взорвался гулками басами и ритмами, ускоряясь звуками рок-песни «Полночная дорога». Я успела возненавидеть ее, а Люк все не унимался – и я сердито нажимала на «отклонить вызов», пока не разозлилась окончательно и не выключила телефон.

* * *

В пятницу после работы Мария передала мне запечатанный конверт. Внутри был плотный лист бумаги с какими-то странными цифрами и знаками. Маленькая визитка, на голубом фоне которой был изображен пушистый белый одуванчик. И подпись «Суббота, 11 утра».

Я раздраженно смяла конверт, поискала взглядом мусорную корзину.

«Неужели выбросишь?»

Я с досадой шлепнула рукой по гладкой поверхности тумбочки. Любопытство, мой вечный спутник, уже просыпалось, мягко шелестело внутри, привлекая в союзники знакомые трепет и предвкушение.

«Нет. Конечно нет».

Внутренний голос обидно хмыкнул, но промолчал. А что говорить: и так знаю, кто моя самая большая слабость в этом мире.

Моих скудных познаний хватило, чтобы обнаружить среди знаков где-то виденные магические символы. И я, зажав в руке лист бумаги, пошла к нашей всезнайке.

Алинка была в спортзале – красная, мокрая, подтягивалась на перекладине. С большим, надо сказать, трудом. Увидела меня, выдохнула с облегчением и спрыгнула на пол.

– В понедельник зачет по физкультуре, – пожаловалась она, – а до нормы трех раз не хватает. Десять нужно. И вообще, старалась-старалась, а все равно недотягиваю.

– Все ты сможешь, ребенок, – я постаралась, чтобы голос звучал ободряюще. – Я к тебе за консультацией. Это что такое?

И я сунула ей послание от Люка.

– Это же координаты для Зеркала, – недоумевающе объяснила Алишка. – Так их записывают, если маг не бывал в месте, куда нужно открыть переход, и никого из знакомых людей там нет.

– Понятно, – протянула я. – А открыть сможешь по ним?

– Ты что, – с ужасом сказала сестричка, – мы только на третьем курсе будем учиться их строить. Тогда и приходи. – Она помрачнела. – Если я не вылечу до этого времени, конечно.

– Ребенок, – я погладила ее по плечу, – я вот вряд ли смогу хотя бы раз подтянуться. И ты еще полтора месяца назад не могла. А сейчас семь раз! Да ты почти чудо совершила. Только разозлилась – вот увидишь, и пробежишь быстрее всех, и перекладину от усердия погнешь. Я уже тебя боюсь – мне кажется, для тебя невозможного не существует.

– Скажешь тоже, – улыбнулась сестренка грустно, и в улыбке этой я увидела отголосок нашей общей тоски.

– Много раз скажу, – я дернула ее за косичку. – И вообще, уходи-ка ты из этой комнаты пыток, ужин через полчаса.

– Сейчас, – Алина вздохнула. – Еще раз попробую. Или два.

Из зала я вышла под ее сдавленное пыхтение.

Зигфрида я поймала, когда он уже одевался, спеша улизнуть от нас на выходные. Но магу не повезло. Он посмотрел на меня почти обреченно и послушно взял координаты.

– Сможете открыть? – спросила я. – Мне нужно туда завтра к одиннадцати.

– Смогу, – голос был несчастным.

Ну извините, господин Кляйншвитцер, все претензии отправляйте в Дармоншир.

– Тогда я найду к вам с утра? – уточнила я.

– Конечно, ваше высочество, – сказал самый грустный маг на Туре, и я поспешила удалиться, пока меня не замучила совесть.

* * *

Хорошо, что Ангелины не было за ужином – задерживалась в Теранови. Она бы точно поняла, что со мной что-то не так. Меня просто потряхивало от возбуждения. Мариан с Васей еще не вернулись с Севера, а младшие сестренки и отец легко приняли мое объяснение, что завтра я еду на ипподром. Тяжесть и вялость как рукой сняло – и лишь тихий голос внутри укоризненно шептал мне, что я в очередной раз сбегаю от проблем, что не время пускаться в приключения. Я была с ним согласна. Но если не отвлекусь, точно убью кого-нибудь – и лучше пусть это будет Дармоншир. Заслужил.

Суббота, 17 декабря

Утром еще более печальный, чем вчера, Зигфрид открыл Зеркало – и я шагнула в огромный серый ангар. Прямо передо мной были распахнутые высокие двери, и за ними сверкало

бесконечное заснеженное поле. А на нем ярким полосатым пятном выделялся подпрыгивающий на снегу воздушный шар.

– Вам точно сюда, моя госпожа? – с сомнением спросил Кляйншвитцер. – Я могу подождать вас.

Я огляделась – натянутые от потолка до пола наискосок тросы, высокий помост, маты внизу, полки с какими-то сумками. Сердце застучало быстрее. Не может быть. Я всю жизнь об этом мечтала.

– Точно, Зигфрид, – уверенно сказала я. – Идите. Я позвоню.

Он исчез в Зеркале, а ко мне со стороны шара уже шагал какой-то человек. Низенький, плотный, с обветренным загорелым лицом.

– Здравствуйте, леди. Меня зовут Рич Сэмкинс. Я владелец этого клуба.

Говорил он по-инляндски, чуть картавя.

– Позвольте ваш пригласительный?

Я поколебалась и протянула ему «визитку» с одуванчиком.

– О, да, да! – воскликнул он. – Сейчас, одну минуту! Костюм, и потренируем посадку!

Начался инструктаж. Я скользила вниз по тросам, послушно сгибала ноги, пробегала вперед – и все смотрела в открытые двери, за которыми виднелось затянутое легкими облаками голубое небо. И, случайно повернув голову, наткнулась взглядом на выходящего из Зеркала Люка. Он поклонился, усмехнулся со своим обычным дерзким прищуром. Ничего не сказал. Просто стоял и смотрел на меня, а я сжимала зубы от его присутствия – и потом, когда он отошел в сторону и стал переодеваться, не могла не глядеть на его крепкие плечи и спину, на линию позвоночника, уходящую под ремень брюк. Худощавый, жилистый. Великолепный.

Еще через полчаса мы стояли напротив друг друга в корзине поднимающегося воздушного шара. Сэмкинс быстро повторял уже выученные наизусть инструкции. Не паниковать. По правилам шар опускается пустым, поэтому прыгать придется в любом случае. Свободное падение – с трех километров, длительность сорок секунд, считать до тридцати, затем дернуть кольцо. Если не дернуть – у новичков парашют раскрывается принудительно. Даже если не раскроется, снизу подхватит маг.

Земля, чуть покачиваясь, удалялась, я вдыхала морозный воздух, слушала шум горелки и смотрела в темные глаза молчаливого Кембритча, закрытые плотными очками, – и светло-голубая бесконечность за его спиной, с зимним, почти белым солнцем и светящимися желтым и розовым облаками манила меня так, что хотелось кричать. Я с детства мечтала прыгнуть. Но сначала не разрешала мама. Потом на это не было времени и денег. А после и вовсе не до этого стало.

Инструктор что-то говорил, хвастался, отмечал километраж – дышать становилось труднее, мороз усиливался – но мы не слушали его, прикованные друг к другу знакомым невозможным притяжением.

«Страшно?»

«Ну тебе же не страшно».

Он снова усмехнулся. Дыхание у меня от предвкушения прерывалось, и сердце стучало уже так, что слышно должно было быть на километры вокруг.

– Проходим облачность, – крикнул инструктор, и мы погрузились в вязкую влажную дымку. Вынырнули через несколько длительных минут. И полетели к солнцу – а под нами пыльным, взбитым ковром стелились белые облака. И дух захватывало от высоты, от виднеющихся в промежутках крошечных поселений, от расчерченных тонкими ниточками дорог заснеженных полей, щетины лесов и крутой линии горизонта.

– На борта! – скомандовал инструктор.

Я заледенела. Выдохнула. Люк, ухватившись за стропу, забрался на борт корзины, встав спиной к пустоте, – и в лице его, в глазах появилось что-то хищное, темное. Он посмотрел

на меня, словно спрашивая: «Испугалась?» И я полезла тоже, хотя ничего не соображала от страха.

Борт оказался широким, и я вцепилась в стропы, с ужасом глядя себе под ноги – туда, где не было ничего. Только волнистое поле облаков. Адреналин в крови зашкаливал, и холода не чувствовалось, и мышцы болели от напряжения.

– Старт! – крикнул Самкинс.

Кембритч взглянул мне в глаза – и я задохнулась от требовательности в его взгляде, вздернула подбородок – и разжала пальцы.

Тридцать.

Медленно, лицом к солнцу, я полетела вниз, раскинув руки и крича от страха и счастья – и увидела, как от стремительно поднимающейся корзины отделяется мужская фигура в темном костюме и, вытянувшись стрелой, летит ко мне.

Двадцать один, двадцать...

Я влетела в плотное облако – и тут меня нагнали, обхватили, с жесткостью вжались в губы губами, и я обвила Люка ногами, вцепилась руками. Мы словно зависли в невесомости. Не видно было ничего – мы крутились, парили в белом тумане и отчаянно, жадно целовались, и ветер свистел мимо, вокруг, яростно пытаясь отцепить нас друг от друга.

Десять... девять...

Облака вдруг кончились – ударило по глазам светом и пространством. Люк, обхватив меня за талию, еще раз прикоснулся к моим губам и четко, хоть и не расслышать было ничего, проговорил:

– Не злись.

И дернул за кольцо. Падение остановилось – меня рвануло вверх, раскрылся цветной купол парашюта, – но я смотрела не на него – вниз. Туда, где сумасшедший Кембритч летел к земле.

Парашют он так и не раскрыл. Взметнулся прямо под ним снежный вихрь, поглотил, затормозил его – и аккуратно опустил на землю. Сработал маг. А я облегченно выдохнула и выругалась. А если бы не успел? А если бы у стихийника нос зачесался или маг чихнуть бы захотел в этот момент?

Когда я спустилась, Люка уже не было. И правильно. Нам опасно долго быть рядом друг с другом.

Губы мои горели от ветра и его поцелуев, и во всем теле была такая легкость, будто полет этот разом вышиб все тревоги, все переживания. Как заново родилась.

Только вот руки и ноги были слабыми и вспотела вся, оказывается. И голос сорвала. Но зато впервые за долгое время ощущала себя абсолютно и неприлично счастливой.

И во дворец я вернулась в блаженном опустошении.

Люк Дармоншир

Люк вышел из портала в своих покоях, тут же, скидывая куртку, двинулся к зеркалу. Облокотился на столик, внимательно посмотрел на себя.

Ничего необычного. За исключением совершенно идиотской полуулыбки на губах и покрасневшего лица.

Рука потянулась к телефону – позвонить Тандаджи. Но, с другой стороны, о чем его спрашивать? Скажи-ка, бывший начальник, почему мои галлюцинации приобретают устойчивый характер?

В двери деликатно постучали, и Люк отвернулся от зеркала, наблюдая, как в проем просачивается его одноглазый секретарь Майки Доулсон. Человек, который имел поразительный нюх на то, когда Люка можно застать на месте.

– Добрый день, ваша светлость, – учтиво поздоровался он.

– Добрый, – отозвался Люк, выбивая из пачки сигарету и прикуривая. – Я вас опасаться скоро начну, Майки. Признайтесь: вы установили здесь камеры и теперь следите за мной?

Секретарь побледнел.

– Лорд Дармоншир... Я бы никогда...

– Успокойтесь, Доулсон, – с досадой сказал его светлость, выпуская дым. – Видят боги, у вашего отца с чувством юмора куда лучше. Что у вас за дело? Опять пытка бумагами?

– Нет, – секретарь пришел в себя и отвечал уже с достоинством. – Ваша матушка, леди Шарлотта, здесь. Вместе с вашей сестрой и братом.

Люк внутренне застонал. Точно, Майки утром настиг его прямо перед отправкой в клуб и напомнил об обеде. Но ветер, адреналин и Марина отшибли память начисто.

На этой неделе Люк по просьбе матери отзвонился-таки младшей сестрице в Блакорию. И настойчиво пригласил ее в выходные навестить мать и присоединиться к семейному обеду, чтобы обсудить необходимые вопросы.

– Я занята, – буркнула сестрица. – У меня вообще-то сессия на носу.

– И ты прекрасно выделишь день на посещение Лаунвайта. – Люк педагогическими талантами не обладал, зато знал, как подкупать людей. – Приедешь – организую тебе на каникулах практику в королевском госпитале, в родильном отделении. Хотя, заметь, мог бы просто настоять, чтобы ты появилась. Мать скучает.

– Сам-то, – грубо ответила Рита, – часто дома появлялся? А она плакала. И по тебе точно скучала больше, чем по мне.

– Рита, – задумчиво произнес лорд Лукас, пользуясь дедовыми наработками, – если не приедешь, тебя свяжут и доставят сюда. И никакой практики. С утра в субботу чтобы была у матери.

Он одобрительно послушал, как сестрица ругается, и положил трубку.

И вот сейчас предстояло спускаться и заседать за обедом в роли главы семейства.

– Мне нужно принять душ и переодеться, Доулсон. – Люк небрежно затушил сигарету, снял рубашку и под укоризненным взглядом секретаря бросил ее на кровать. – Сообщите, что я буду через двадцать минут.

Но перед тем как направиться в ванную, лорд Лукас Дармоншир подошел к окну и некоторое время задумчиво смотрел на покачивающиеся от ветра черные ветви деревьев. И потом, стоя под горячими струями душа, он нет-нет да и поглядывал в высокое зеркало на противоположной стене. Что за ерунда с ним творится? Помимо того, что он счастлив как щенок, конечно.

Из парашютного клуба он просто заставил себя уйти, хотя так изначально и планировал поступить. Но вцепившаяся в него в воздухе испуганная Марина, ее сухие и горячие губы, огромные синие глаза, потемневшие от страсти и адреналина, и собственное удовольствие, подкрепленное опасностью и возбуждением, были достаточным искушением, чтобы забыть о чести аристократа и данном слове. Которые он, надо сказать, с легкостью попирает при работе на Тандаджи.

Люк честно собирался выдержать назначенные ему два месяца. Но накануне была встреча с Ангелиной Рудлог, которая явилась в замок Вейн телепортом для участия в очередном публичном мероприятии. Невозмутимая, безупречная, красивая. В бежевом зимнем пальто с высоким воротником и широким поясом на тонкой талии, в сапожках на каблуках, делавших ее еще тоньше. Держалась она очень уверенно.

Уже прошли в прессе сюжеты о ситуации в Бермонте, но, как Люк ни вглядывался в невесту, ни следа тревоги или расстройства на ее лице он не обнаружил. Чувства скрывать она умела не хуже него самого.

– Сколько точно времени займет мероприятие? – ровно спросила принцесса, когда с приветствиями было закончено. – У меня еще дела.

– Три часа, не больше, – отозвался Люк. – Нас ждет машина, ваше высочество.

Она кивнула, подала ему руку и с легкостью спустилась по широкой лестнице замка Вейн к выходу.

– У вас прекрасный замок. – Автомобиль уже развернулся и мягко двинулся по дороге, а Ангелина смотрела в окно, оценивая заснеженные владения нынешнего Дармоншира. – Когда он построен?

Светская болтовня им обоим давалась легко.

– В нынешний вид приведен около трехсот лет назад, Ангелина. Изначально был куда меньше, без башен. Могу провести вам экскурсию, если хотите, – любезно предложил Люк.

– Не думаю, что в этом есть нужда, – суховати ответила принцесса.

Кембридж усмехнулся. Естественно, он и не думал, что она согласится. Да и что он ей может показать? Что он вообще тут знает? Площадки башен, с которых в детстве гонял наглых голубей и смотрел на море? Крышу, по которой лазил так, что мать чуть в обморок не падала? Подвалы, в которые пытался спуститься, надеясь обнаружить тайный ход, – но дед так и не показал его (кстати, надо поднять план замка и найти все-таки, куда он ведет). Или скучнейшую галерею Дармонширов, где были собраны, кроме портретов семьи, произведения известнейших мастеров?

Увы, живописи Люк не понимал. Зато любил местную библиотеку – очень старую, уютную: там в раннем детстве дед читал ему книги о приключениях. Наверное, только тогда Люк мог усидеть на месте – слушая выразительный голос старика. К сожалению, это бывало нечасто. Зато сохранилось дедово кресло, такое широкое, что они помещались в нем вдвоем и даже вместе с пледом, в который кутались зимой.

По словам старого герцога, в высоких шкафах можно было обнаружить экземпляры рукописных книг, которых и в королевской библиотеке найти было невозможно. Да, дед гордился своим замком и своей землей. И правил ею крепко. Не то что он, Люк.

Или можно было бы отвезти Ангелину на старую систему фортификаций, дугой обхватывающую герцогство со стороны Инляндии. Укрепления и форты остались с того времени, когда Дармонширы взяли себе слишком много воли и монарх пошел войной призывать вассала к порядку. Закончилось все полугодовой осадой – дальше фортов войска не прошли – и, ко всеобщему удивлению, женитьбой овдовевшего к тому времени короля на наследнице замка Вейн. В детстве Люк облазил их все – и не раз солдаты гарнизонов, к которым были прикреплены форты, возвращали его обратно в замок. Но разве это будет интересно женщине, в жилах которой течет лед?

Люк еще раз посмотрел на профиль старшей Рудлог. Нет, все же чувствуется напряжение. Смотрит вперед, в одну точку, руки лежат спокойно. Чересчур спокойно.

– Сочувствую вашей беде, – сказал Люк с некоторой неловкостью. Принцесса изумленно повернулась к нему. Глаза ее были ледяными, как и тон.

– Не нужно об этом, Лукас.

– Как ваша семья? – спросил он, подавляя желание заткнуться.

«Как Марина?» – хотел спросить он.

– Нам тяжело, – спокойно ответила она. Снова с холодком взглянула на него. – Вы хотите спросить о ком-то конкретном?

– Да, Ангелина.

Она помолчала и, когда Люк уже думал, что не ответит, заговорила:

– Марине всегда труднее нас всех. Она очень ранима. И впечатлительна. И я очень расцениваю, – добавила она, – что эта информация не приведет вас к решению еще больше раскачать ее эмоциональное состояние. И вы не расстроите меня.

Он усмехнулся – иногда в тоне невесты прорезывались железные ноты наставников из кадетской школы. Только выражения у тех были подходчивее.

– Вам не в чем меня упрекнуть, Ангелина. – Люк легко выдержал ее взгляд.

– Я знаю, – отозвалась она, отворачиваясь. – И, признаться, удивлена. Не думала, что вы ограничитесь цветами. И обойдетесь без публичных скандалов в Инляндии.

«Тандаджи, сукин сын, работает блестяще».

Ему удалось удержать спокойное выражение лица. Знала бы она, чем он занимался всю эту неделю.

За неполный месяц регулярных встреч и выходов на публику Люк привык развлекаться, наблюдая за спутницей и пытаясь прочитать ее реакции, а то и провоцируя на отклик – очень аккуратно, из чистого любопытства. И все же начал замечать отголоски эмоций в мимике и жестах.

Чуть дрогнувшие ресницы при чрезмерно смелом вопросе от какого-то писаки. Тень недовольства во взгляде, когда проводишь большим пальцем по тонкому запястью. Предупреждающе напрягающиеся плечи, когда слишком сокращаешь дистанцию. Легкая улыбка в ответ на шуточный тон. Интересно, она вообще когда-нибудь смеялась от души, не оглядываясь на окружающих? Увлеченность и даже горячность – по сравнению с ее обычной холодностью, конечно, – при обсуждении политики. Теплел ее взгляд, только когда речь заходила о семье.

Тем не менее им всегда было о чем поговорить, и Люк находил в этом удовольствие, как и в том, что его сопровождает красивая женщина. Или он сопровождает ее. Неважно.

Наблюдал Люк и то, как легко меняется Ангелина при общении с разными людьми – от любезной с чиновниками и аристократами, сухой, почти высокомерной с журналистами и до внимательной и отзывчивой, пусть и без сердечности, с обычными гражданами.

Чем дальше, тем больше видел он и схожие с Мариной черты в лице старшей Рудлог, в ее жестах. Наклон головы, особенно когда недовольна чем-то. Линия губ – он иногда откровенно засматривался на них. Ровные плечи и манера выпрямляться, если ей что-то не нравилось или нужно было сосредоточиться.

Сегодня же, после неожиданных откровений Ангелины, вся эта схожесть стала еще очевиднее – и невыносимо захотелось хотя бы услышать оригинал. Люк честно продержался до вечера. И набрал-таки Марину.

Несколько скинутых звонков и отключенный телефон разбили в прах всю его выдержку. И захоти она, не смогла бы найти лучшего способа разжечь в нем азарт.

И Люк, усевшись в любимое кресло, покусывая сигарету и попивая коньяк, улыбаясь и хмурясь, разработал очередной план. Действовать аккуратно. Зацепить за любопытство. Провести через сомнения и злость – Люк уже изучил привычки третьей Рудлог, и нежелание говорить означало только одно: что он снова в немилости. Оглушить, ошарашить острыми эмоциями. И при этом постараться сдержать слово – хотя бы формально.

Нужные звонки были сделаны, вся необходимая подготовка проведена – и все равно Люк до последнего сомневался, что она придет. С Мариной никогда и ни в чем нельзя было быть уверенным.

Она пришла. И он старался держаться поодаль и просто смотреть на нее. Боги, в одних ее глазах было больше жизни, чем во всей Ангелине.

А потом, когда его светлость уже летел к Марине сквозь обжигающий ледяной воздух, когда целовал в толще облаков, когда смотрел на нее – изумленную, растерянную, – понял, что если сейчас не переступит через себя, если они спустятся вместе, то из клуба он унесет ее к себе, даже если принцесса будет кричать, проклинать его и отбиваться. И даже если этим он спровоцирует войну между Руд-логом и Инляндией.

Сил хватило оторваться от нее, хотя в голове шумело, вытянуться стрелой и полететь вниз. И тогда-то и произошло то, что заставило сомневаться в собственном душевном здравии.

Бьющий по лицу воздух вдруг стал ласковым, как руки матери, уплотнился, словно Люк неся к земле в струях щекочущей тело воды.

И он увидел ветер.

Все вокруг было ветром. Стелились по земле белесые широкие полосы ровного воздушного потока, подметая снег и качая деревья, поднимались над неровностями почвы светлыми волнами, играли в лесу маленькими серебристыми вихрями. Необыкновенно красиво – темно-зеленый хвойный лес и тысячи танцующих завихрений среди деревьев, похожих на кудри прекрасной женщины. Вокруг самого Люка били вверх, расширяясь и закручиваясь, молочно-голубоватые струи. И кругом, насколько он мог видеть, поднимались ввысь, огибая облака, и спускались к земле широкими водопадами бесконечные светящиеся ветра. Холодные и теплые, влажные и сухие – он чувствовал их, ощущал кожей, несмотря на костюм, и казалось, что одно усилие – и он сможет полететь вместе с ними так далеко, как только возможно.

Люк так ошалел, что, только когда навстречу взметнулся вихрь и мягко принял его в свои объятия, понял: долетел до земли. И не сразу расслышал вопрос мага, подхватившего его в конце полета и интересующегося, все ли с ним в порядке.

– Прекрасно, – ответил Люк. А когда снова поднял глаза – вокруг все уже было нормально. И только высоко над ним под пестрым сине-красным куполом парила в небесах Марина Рудлог.

Его светлость полюбовался на нее немного, а потом кивнул магу, терпеливо ожидающему, чтобы открыть Зеркало.

И до сих пор он не мог прийти в себя.

* * *

Люк выкрутил кран холодной воды, выругался от острых ощущений – зато в душе воцарилось спокойствие. Все по порядку. Сначала обед, а потом уже разбираться.

Через несколько минут он уже здоровался с семейством, собравшимся в дубовой гостиной. Поцеловал мать, поднявшуюся ему навстречу из обитого кожей кресла, отметив, что она превосходно выглядит, едва ли не его ровесницей.

– Леди Шарлотта, – сказал он галантно, – вы просто светитесь.

– Я счастлива, что все мои дети рядом, милый, – с чувством ответила графиня и ласково погладила главу семьи по затылку.

Щеголяющий в форме братец отметился крепкими, почти костоломными объятьями.

– Берни, полегче, – просипел Люк, и двадцатилетний увалень тут же отпустил его, смущенно потер черную бородку и пробасил:

– Извини. Рад тебя видеть, Люк.

Кажется, малыш к нему действительно привязался, хотя встречались они всего-то пару раз в неделю – выкурить сигарету и поболтать в шутилом тоне.

А вот сестрица, стоявшая у окна, с убранными наверх длинными волосами, в синем платье до пола, наверняка подаренном матерью – уж очень недовольно она одергивала его и косилась на свое декольте, – сверкала в сторону Люка темными глазами и до ужаса была похожа на Кембритча-старшего.

– Боги, – произнес Люк, подходя к ней, – ты что, кудрявая?

– Всю жизнь такой была, – едко ответила Маргарета, – просто ты всегда смотрел мимо. А вот ты, – она окинула его взглядом, – выглядишь куда лучше, чем семь лет назад.

– Я и соображаю куда лучше, – согласился он, обнимая сестру. – Рад, что ты приехала. Прошу всех к столу.

Повара и слуги расстарались на славу, и собравшееся в роскошной, украшенной золотой лепниной столовой семейство некоторое время дружно отдавало дань восхищения превос-

ходному густому и острому крабовому супу. Потолок столовой, к слову сказать, около двух веков назад разрисовывал известнейший художник, маэстро Фельдин, и теперь на Кембритчей и одного Дармоншира сверху смотрели пухлощекие и крутобедрые девы с внушительными персями, стыдливо прикрытыми арфами, кистями винограда, кувшинами вина и клочками одежды. Бернارد нет-нет да и поглядывал наверх, мечтательно вздыхая. Люка эти взгляды очень веселили.

Леди Шарлотта с легкостью поддерживала светскую беседу, расспрашивая Берни про успехи на военном поприще, а сестру – про учебу. И если первый разливался соловьем, периодически глядя на брата – и Кембритч видел в его глазах потребность в одобрении именно от него, Люка, – то вторая что-то бурчала в ответ и глаз почти не поднимала.

– В этом году сезон дебютанток открывается раньше, – как только слуги удалились, леди Шарлотта перешла в атаку. – Как раз не заденет твою сессию, Рита.

– Да не хочу я, – зло ответила сестра. – Мне еще четыре года учиться. И для чего? Чтобы выйти замуж?

– Милая Рита, – произнес Кембритч иронично, стараясь не давать прорезаться ехидству (сказывалось, ой сказывалось общение с Тандаджи), – увы, родись ты какой-нибудь Бетти Смит, ты легко могла бы резать пуповины и принимать орущих младенцев сколько захочешь. И быть свободной от необходимости надевать платье стоимостью в годовую зарплату этой Бетти и идти в общество высших домов страны. – Он глотнул великолепного вина и аккуратно поставил бокал на кружевную скатерть. – Но так как тебе не повезло носить фамилию Кембритч, давай опустим все наши препирания и уговоры. Иначе я передумаю насчет разных вкусных вещей, которыми решил тебя поощрить, если будешь хорошей девочкой.

– Замуж не пойду, – отрезала Маргарета.

– Я пока не нашел отчаянного, который согласился бы тебя взять не глядя, Рита, – усмехнулся герцог, – поэтому этот вопрос тебе придется решать самостоятельно. Но для начала – сезон.

– Люк, – сестра решила сменить тактику, и в голосе ее прорезались жалобные нотки, – ты понимаешь, что сейчас, когда ты получил титул и принцессу Рудлог в невесты, меня начнут осаждать толпами? Да и вообще, почему я? Тебе скоро тридцать шесть, а ты еще не женат! В конце концов, Берни старше меня! Давайте его женим.

Бернارد побледнел и чуть не подавился супом.

– Ты осторожнее, Рита, – ехидно сказал Люк, – а то останется у тебя только один брат. Берни, в отличие от тебя, блистает уже три сезона. Набирается опыта.

– Знаю я, где он его набирается, – проворчала сестра. Бернارد из бледного стал красным и опасливо покосился на мать. Та сделала вид, что ничего не слышала, пригубила вино и отставила бокал.

– Маргарета, – произнесла она примиряюще, – никто пока не говорит о замужестве. Но выезжать давно пора. Я и так дала тебе время, хотя нужно было начать выводить еще в шестнадцать. Но если твой дебют не состоится этой весной, пойдут сплетни. Это никому не нужно.

– Обо мне? – фыркнула младшая Кембритч. – Да обо мне на фоне слухов о Люке никто и не вспомнит.

– Цени это, – небрежно отозвался новоявленный глава семьи. По сути, Риту он понимал и, если бы не просьба матери, не стал бы давить. Но тут пришлось проявить коварство: – Если посетишь сезон, на замужестве настаивать до твоего выпуска не буду. Только если сама захочешь. В конце концов, аристократические дома Инляндии ежегодно поставляют на балы сотни жаждущих найти себе мужа девиц. Тебе продержаться одну весну, а потом привыкнут и перестанут обращать внимания.

Рита задумалась, а леди Шарлотта послала сыну благодарный взгляд.

– Ладно, – со вздохом согласилась сестра.

– Но гардероб подбираю я, – строго сказала графиня Кембритч. – И примешь компаньонку в квартиру – не хватало еще, чтобы тебя скомпрометировали. И тебя будет посещать учитель танцев и этикета. Прости, Рита, но твои манеры ужасны. Два года вне дома – и ведешь себя как простолюдинка.

Сестра уныло болтала ложкой в супе, демонстрируя отсутствие тех самых манер.

– Мама, – отвлек воодушевленную графиню Люк, – скажи-ка мне... А в чем, кроме умения понимать животных, проявляется наша родовая магия?

Леди Шарлотта настороженно взглянула на него – и он отметил и этот взгляд, и тревогу в глазах.

– Дед твой боль хорошо умел снимать, – ответила она, – у меня куда слабее это, но, слава богам, ни разу вы у меня не кричали от колик или прорезывания зубок. Да и с животными я не очень, так, успокоить могу, если понадобится. Погоду чуем, но ты это и сам знаешь.

– У меня с животными совсем слабо, – грустно сказала Рита, – это у Бернарда хорошо. Зато я чувствую, где у человека что болит. И органы чувствую, если ладонью провести... правильно ли работает всё.

– Я собак слышу, – пробасил Берни. – И они меня слушаются. И вообще... хотел сказать, что после военного училища я, скорее всего, пойду второе образование получать.

– И кем же ты хочешь быть, милый? – удивилась леди Шарлотта. Рита тоже подняла голову, с одобрением взглянула на брата – видимо, она что-то знала.

– Ветеринаром, – смущенно пробормотал Бернард и как-то неловко посмотрел на Люка. – Ты ведь не будешь против?

– Ну, во всяком случае, у нас в семье всегда найдется кому присмотреть за беременными и собаками, – саркастически заключил Люк. – Главное, что в монастырь никто не уходит. Мам, и это всё?

– Всё, – подтвердила леди Шарлотта. – Твой отец тоже имеет ментальные способности – он отличный оратор, повышенный дар убеждения. Как и у тебя, сынок.

– Я думал, это все мое бесконечное обаяние, – усмехнулся Кембритч. – А это отцовское наследие, оказывается.

– А почему ты спрашиваешь? – спросила она уже с откровенной тревогой и тут же осеклась.

Люк покачал головой.

– Интересно просто. А у Инландеров какой дар, кроме виталистического и ментального? – поинтересовался он. – Я в детстве много сказок слышал...

– Что белые короли ночами превращаются в летучих огромных змеев... – загробным голосом произнес Берни.

– И что могут смотреть из любого зеркала, – подхватила его тон Рита.

– А еще как-то один из Инландеров заставил врага съесть свое собственное сердце, – провыл Бернард.

Леди Шарлотта с отвращением посмотрела на отбивную, которую перед ней как раз поставили.

– Это невозможно, Берни, – снисходительно пояснила Рита.

– Эту байку я тебе сам рассказывал, братец, – усмехнулся Дармоншир. Кембритч-младший насупился. – Зато ты слушал, открыв рот. Мам, а ты ничего не скажешь?

– Я не знаю, Люк, – ответила она несчастным тоном. – Дом Инландер хорошо хранит свои секреты.

Он кивнул и успокаивающе улыбнулся ей. Хотя очень хотелось спросить, не светились ли у его величества Луциуса глаза, когда тот прижимал леди Шарлотту к стенке.

Люк невольно поморщился и перевел разговор на события в герцогстве.

* * *

Позже он все же набрал Тандаджи. Мозг требовал информации, и просто необходимо было прояснить один вопрос.

– Тандаджи, слушаю.

– Майло, – вкрадчиво проговорил Люк, крутя в пальцах зажигалку. Потянулся – после прыжка тело побаливало. – Скажи мне не как глава разведки, а как друг. Что случилось со мной между тем, как меня проткнул гигантский муравей, и тем, как я попал в Инляндию?

– Тебя лечили, – ровно отозвался тидусс.

– Меня много раз до этого лечили, – ехидно сообщил Люк, – и либо в яде этого существа было какое-то неизвлекаемое галлюциногенное, либо, мой молчаливый начальник, ты от меня что-то скрываешь. А так как мои анализы крови, можно сказать, идеальные...

– ...И это очень удивительно для твоего образа жизни. Что касается твоего вопроса – это государственная тайна. – Ну кто бы кроме Люка мог заподозрить, что Тандаджи издевается. – Так что думай сам, лезущий туда, куда не зовут, и скорбный головой Дармоншир.

– Хм. – Люк вытянул из пачки сигарету, зажал ее зубами и развалился в кресле, скидывая ботинки. – Значит, это касается королевской семьи Рудлог?

– Если ты еще хоть слово произнесешь, придется тебя ликвидировать, – зловеще предупредил тидусс.

– Уже боюсь, – нагло протянул Люк. – Спасибо за подтверждение неучтенного фактора.

– Что-то случилось? – поинтересовался Тандаджи с кажущейся небрежностью.

– Это тайна, – мстительно проговорил Люк и с удовлетворением затаился.

– Это тебе тайна, а мне одной головной болью меньше, – равнодушно отозвался начальник Зеленого крыла. – Кстати, рад, что научил тебя замечать следы. Чую, именно ты организовал одной из моих подопечных сегодняшний подвиг, а доказать не могу.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – с максимально честными интонациями сообщил Кембритч и забросил ногу на ногу. Ему стало совсем хорошо.

– А вот врать надо еще потренироваться, ваша светлость.

– Ты какой-то подозрительный стал, Майло. – Настроение выросло до совсем замечательного.

– Завершаю разговор, – сухо сказал Тандаджи, – не трать мое время.

– И я был рад тебя слышать, полковник, – с теплотой проговорил Кембритч и положил трубку. И с этим приподнятым настроением Люк пошел пересматривать свои записи о встречах с родными погибших аристократов из списка наследования. Было, было в их рассказах нечто общее. Только вот объяснения он получить не мог, хоть со времени бала в Дармоншир-холле ни дня не проходило без нужных встреч.

И, признаться честно, он наслаждался этим расследованием. Снова его потряхивало от азарта, и заскучавший было без дела ум работал как надо, и добыча информации требовала определенных артистических усилий... наконец-то Люк занимался тем, что доставляло ему ни с чем не сравнимое интеллектуальное удовольствие.

Кабинет был готов для мозгового штурма. Стояла на тяжелом столе чистая пепельница, аккуратно лежали рядом сигареты и зажигалка, заманчиво поблескивал коньяк в хрустальном графине («Потом, – мысленно пообещал ему Люк, – если голова откажется работать»), встреченный им по пути из покоев в кабинет Доулсон уже наверняка спустился в кухню, чтобы принести хозяину кофе.

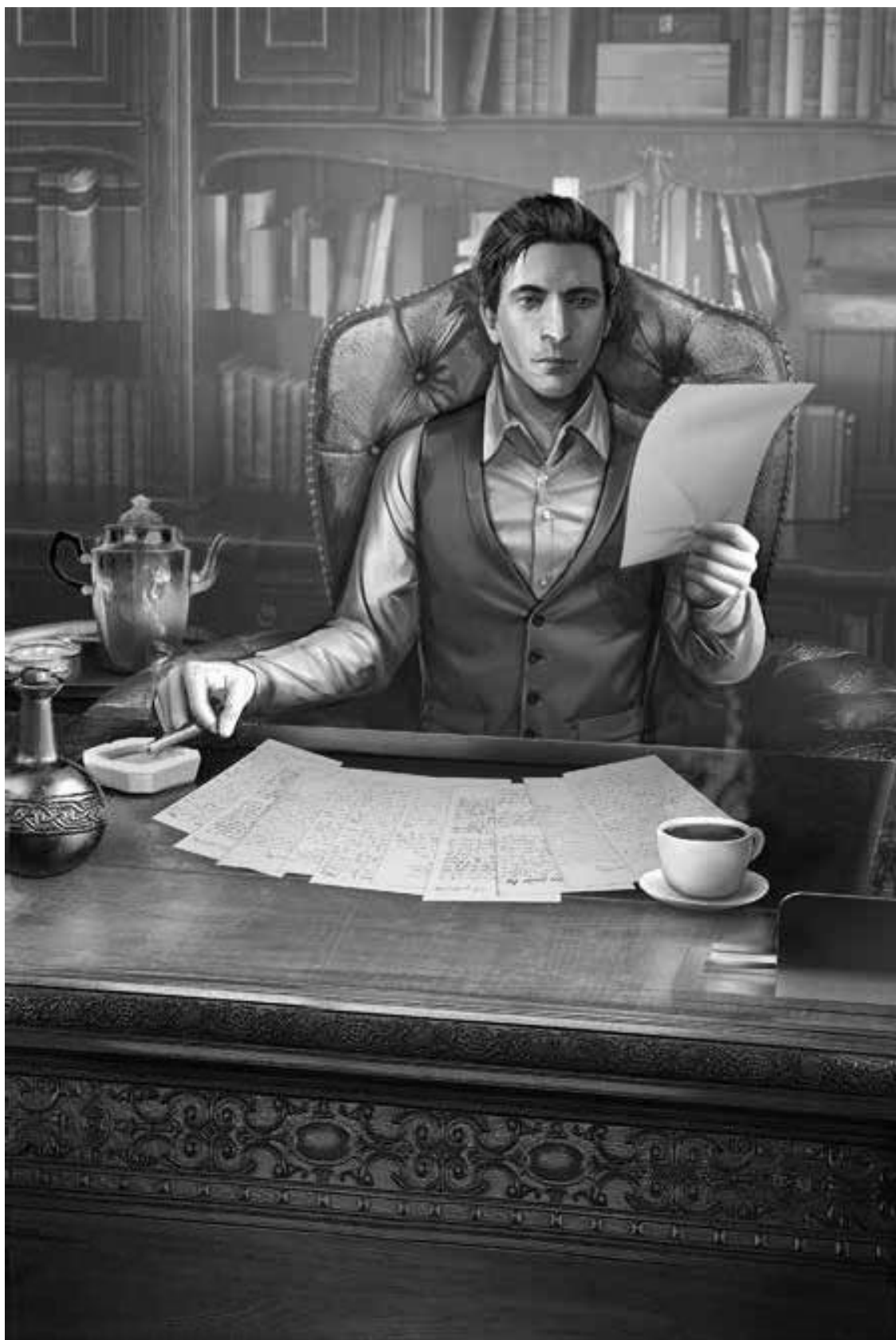
Да. Кофе и сигарета. Что может быть лучше для раздумий.

Коньяк насмешливо подмигнул бликом на хрустале.

Люк сел в свое – он уже привык называть его своим – удобное кресло. Разложил перед собой записи веером, как карточную колоду. И принялся за чтение.

* * *

Нынешний герцог Роберт Таммингтон, чья мать погибла, поскользнувшись в ванной, был ровесником брата Люка, Бернарда. Титул свалился на лорда Роберта в семнадцать лет, и, видимо, под его тяжестью герцог скукожился, при своем высоком росте и явной схожести со всей высшей аристократией – и им, Люком, – напоминая книжного червя в очках. Однако высказывался он разумно, четко, и Дармоншир даже прикинул, просматривая записи, не отдать ли несчастного на растерзание Маргарете. Сестра быстро поставит его перед необходимостью выпрямиться, выработать командный голос и силу воли. Титул был равным, а Таммингтоны числились даже ближе к трону, чем Дармонширы: если Люк уходил далеко за третью сотню, то мать нынешнего герцога считалась тринадцатой, а сам Таммингтон наверняка едва ушел за сотню.

На балу, который Люк давал в честь принятия герцогского титула, молодой человек отсутствовал, но на предложение встретиться, обсудить взаимодействие между землями ответил согласием и со всей положенной любезностью.

Разговор долго шел о торговле – и, признаться, Роберт Таммингтон разбирался в вопросе куда лучше собеседника. Вывести его на откровенность, не вызывая подозрений, было необходимо, и Люк не отказался от предложенного виски – и намеренно частил, заставляя очевидно непривычного к алкоголю герцога пить вместе с собой. Через час молодой лорд расслабился, снял очки, щеки его покраснели. Для Люка полбутылки виски были так, легкой разминкой, и он, похлопывая собеседника по плечу, предложил выпить еще. Через час Таммингтон был готов, и Кембритч приступил к расспросам.

– Мой дед очень похвально отзывался о вашей матери, – сказал он, покачивая в ладони бокал с виски, – жаль, что не довелось с ней познакомиться.

– Матушка погибла два года назад, – объяснил лорд Роберт чуть сбивчиво, – я в то время учился, она управляла герцогством. Несчастный случай. Впрочем, – он вздохнул, – я не очень-то удивился, как бы ужасно это ни звучало. Знаете, Дармоншир, с ней постоянно что-то случалось. То запнется на ровном месте и с лестницы упадет, то каблук подвернется, то чуть под машину не попадет. Мы уж думали, проклятье на ней, вызывали мага – но тот посмотрел, сказал, нет ничего.

– А мага как звали, не помните? – небрежно поинтересовался Люк.

– А вам зачем, лорд Лукас? – насторожился Роберт. Видимо, недостаточно был пьян.

– Есть у меня подозрение, что на мне тоже проклятье, – развел руками Дармоншир и тут же долил слишком хорошо соображающему визави еще алкоголя. – Превосходный у вас виски, Таммингтон, – он отсалютовал и допил из своего бокала. – Хочу вот провериться у надежного специалиста.

– А, – успокоенно проговорил молодой человек, довольно бодро заглатывая свою порцию. Люка даже совесть уколола на мгновение: «Спаиваешь беднягу, да?»

– Он практикует в Лаунвайте, И рвин Андерис, – вспомнил лорд Роберт. – Но, видите, нам не помог. Матушка, правда, смеялась, что она просто такая невезучая по жизни.

– А давно это началось? – Люк с сомнением посмотрел на бутылку, на собеседника. Глаза у того уже были расфокусированные, красные. Но все-таки долил ему виски.

– Сколько я себя помню, – запинаясь, поведал Таммингтон. – За детские годы, сами понимаете, ручаться не могу, но последние лет десять точно. А у вас?

– А у меня – недавно, – успокоил его Люк. – Может, и перестраховываюсь, но нужно проверить.

– Понимаю, – пробормотал Таммингтон. Встал, покачнулся.

– Э-э-э-э, дружище, – благодушно произнес лорд Лукас, – вам, видимо, нужно отдохнуть. Я откланиваюсь.

– Да, – молодой лорд неуверенно потер глаза, – извините, Дармоншир, но я, пожалуй, не смогу вас проводить.

– Ничего, – успокаивающе произнес Люк. – Буду рад видеть вас у себя.

* * *

К визиту к графине Уэффри он готовился с особой тщательностью. Графиня приняла его вечером – еще немного, и это было бы неприличным. Провела по большому дому в Лаунвайте, рассказывая про супруга. Но все это были общие слова. «Я так скучаю по мужу, Лукас...», «Он был замечательным человеком». Вывести на четкое изложение, не вызвав подозрений, никак не получалось, и он выжидал, не теряя, впрочем, времени зря – аккуратно поддерживал ее под локоть, изображал, что засматривается на ее губы и тело, вставал волнующе близко.

Благородная дама едва заметно краснела и опускала глаза.

Печаль ее была вполне искренней, но и в серых глазах проскальзывали ожидание и томность, и светло-рыжие волосы были взбиты с особым кокетством, и декольте было не просто

намекающим – кричащим. Впрочем, Люк себе не отказывал в удовольствии оценить и чуть раздавшуюся вширь фигуру бывшей любовницы, и налившиеся груди, и очень даже аппетитную задницу, подчеркнутую узким платьем.

Духов графиня не жалела, и, хотя Дармоншир любил такие сладковатые, чуть резкие ароматы на женщинах – они лучше всяких слов говорили «возьми меня», – он тут же вспомнил Марину Рудлог, от которой пахло только ею самой, очень тонко и будоражаще.

Действовать нужно было очень осторожно. Будет неприятно, если те, кому он нанес визиты, встретятся и решат обсудить разговор с ним. И если Таммингтон вряд ли четко вспомнит, о чем они беседовали, то с графиней нужна была другая тактика. Такая, чтобы потом она даже не думала проговориться или раскрыть обстоятельства, при которых состоялся разговор.

Они спустились в маленькую гостиную в покоях графини. Служанка, наполнив чашки чаем и сделав книксен, удалилась. Люк подождал, пока за прислугой закроется дверь, поднялся и пересел на диван, почти вплотную к печально вздыхающей хозяйке дома.

– Джейн, – произнес он проникновенно и взял ее ладонь в руку, мягко сжал. – Благодарю вас за то, что рассказали мне о друге. Пожалуйста, не сердитесь, но вы будто подарили мне встречу с ним. И я позволил себе принести вам ответный подарок. В знак признательности. Пообещайте, – он чуть склонился к ней и скользнул пальцами выше, к локтю, – что не откажетесь.

– Это неправильно, Лукас, – прошептала она, но руку не отодвинула и всем телом потянулась к нему.

– В конце концов, – он понизил голос, – мы были близки.

Графиня склонила голову, но он успел увидеть признаки возбуждения: и чуть покрасневшие щеки, и взволнованно поднявшуюся во вздохе грудь.

– Вы так красивы, – проговорил он почти ей на ухо, – думаю, это оттенит вашу красоту еще больше. Посмотрите, Джейн.

Графиня осторожно протянула руку к плоской коробочке, открыла – Люк как бы невзначай положил ладонь на женскую спину, повел пальцами вниз. Дама ахнула.

– Но, Лукас, это великолепно!

Конечно, великолепно. Алмазный гарнитур – кольцо, серьги и браслет.

– Позвольте? – спросил он. Графиня смущенно кивнула, и Люк осторожно надел на нее кольцо, словно мимоходом коснувшись груди. Поднял глаза, оказавшись к женщине очень близко.

– Джейн, память о бедном Уэфри не дает мне покоя. Мне кажется, если бы я был рядом, несчастья бы не произошло. Успокойте мою совесть, милая, – он коснулся ее губ, и глаза женщины затуманились, – расскажите, что же случилось.

– Вы не смогли бы ничего сделать, – тем же взволнованным шепотом ответила графиня, – он последнее время был сам не свой, Лукас. Очень рассеянный.

Ее пальцы расстегнули две пуговицы на его рубашке, и Кембритч отвлеченно подумал, что тело привычно реагирует на женскую ласку.

– У вас такие нежные руки, – сказал он хрипло, сам поражаясь, какую чушь несет. – Джейн, что значит сам не свой?

Она подняла на него потемневшие глаза, вздохнула – и пришлось поцеловать ее в шею со всем усердием. Как всегда, внутри Люка оставался тот, кто холодно наблюдал за происходящим со стороны, просчитывал и подсказывал варианты поведения. Только с одной женщиной это не работало. Только с одной.

– Постоянно подвергал себя опасности. – Графиня тяжело дышала, говорила сбивчиво, все это: и разговор о муже во время соблазнения, и действия потенциального любовника – ее возбуждало. – То все нормально было, то целыми днями какие-то происшествия. О-о-о, Лукас...

Грудь ее правда была волнующей.

– Дальше, Джейн, – проговорил он ей в ухо, стягивая платье с плеча. – Дальше...

– Как будто рассеянность на него нападала и целыми днями... не... везло.

– И в день смерти так же, милая Джейн?

– Да-а-а. – Она уже расстегнула на нем рубашку, и мягкая ладонь осторожно касалась его груди, спускаясь все ниже и периодически замирая от смелых действий бывшего любовника. – Это днем... случилось... Ах, Лукас, вот так, да... а с утра на него люстра упала, чуть-чуть мимо... оскол... ками... порезало... потом у машины... тормоз... не сработал...

Верхняя часть платья уже была спущена, и Люк любовался роскошным бельем, выбранным с очевиднейшим прицелом.

– Он домой вернулся... – Герцог распустил ей волосы, – пошел... в кабинет. А через полчаса нашли его внизу, у окна...

Он узнал, что хотел. Люк тяжело вздохнул – проскальзывала, ой проскальзывала шальная мысль закончить начатое – и натянул платье обратно на женские плечи. Со вселенской печалью посмотрел в недоумевающие серые глаза.

– Вы даже не представляете, что я хочу сейчас с вами сделать, Джейн, – сказал он тихо, обводя линию ее скул. – Но это сильнее меня. Не могу... простите меня. Вы такая страстная и великолепная, а я слаб. Ощущение, что я на могиле друга соблазняю его супругу. Я так хочу вас, так ждал этой встречи... и не могу. Вы простите меня?

Графиня всхлипнула и прижалась к нему пышной грудью.

– Это вы меня простите. Я так порочна!

– Вы великолепны, – успокаивающе сказал Люк, поглаживая ее по спине.

– Я так любила мужа, – прорыдала она ему в плечо. – И теперь, когда вы сказали... Ведь уже четыре года прошло, Лукас! Я думала, что смогу с вами, но вы правы, нельзя!

– Не плачьте, Джейн, – говорил он, морщась: слезы мочили рубашку, – это я во всем виноват. Ну же, милая, посмотрите, перед вами мужчина, который, если бы не муки совести, с наслаждением бы стал вашим. К сожалению, не могу предложить вам руку и сердце из-за известных обязательств... И, как оказалось, просто быть с вами тоже не могу.

Женщина плакала долго, и Кембридж терпеливо успокаивал ее, утешая раненую гордость и пытаясь сгладить разочарование. Наконец Джейн Уэфри успокоилась. Отстранилась от него, улыбнулась с усилием.

– Я даже рада, что так случилось, – сказала она, аккуратно прикасаясь салфеткой к покрывшимся пятнами щекам и красному носу. – Мне стало гораздо легче, Лукас. Словно у нас получилось отпустить его, не предав. Я думала, что уже не смогу нормально жить.

– Конечно, сможете, – произнес он, застегивая промокшую рубашку, – вы еще так молоды. И достойного мужчину найдете.

– Но не вас, – сказала она с неожиданной пронизательностью и трезвостью.

– Не меня, – усмехнулся он, – увы. Прощайте, Джейн. Спасибо вам.

Он поторопился уйти. Малышка Джейн провожала его на удивление задумчивым взглядом, словно что-то поняла о нем.

* * *

В дверь постучали – Люк отвлекся от записей, поднял глаза. В кабинет вошел величественный Доулсон, с некоторой даже лихостью державший на кончиках пальцев тяжелый поднос. Молча, почти не морщась от сигаретного дыма, выставил всё на стол, налил кофе, поклонился и вышел. И Люк, сделав глоток обжигающего напитка, продолжил чтение.

Побывал он и на зимних скачках, хотя это ему не доставило удовольствия. И там разговаривал с другом одного из погибших аристократов, которого затоптал лично им выученный и выращенный жеребец.

Пришлось сходить и в один из великосветских мужских клубов. Не «Поло» Билли Пса, конечно. Уровня, установленного наркоманом Доггерти, достичь пока не удалось никому. Но и тут все было на высоте: роскошная обстановка, карточные столы и бильярд, отзывчивые девушки, категорический запрет на присутствие прессы и вынос происходящего здесь наружу. Только лиц в этом клубе не прятали и внешние приличия старались соблюдать. Там, под парами алкоголя и дорогих сигар, Люк убедительно проигрывался старому барону Томарду, у которого с деньгами было не очень – и чей внук тоже оказался в числе тринадцати погибших. Пил, наливал барону за свой счет, оглаживал юных прелестниц с умелыми ручками, прижавшихся к нему по бокам, шепотом подсказав одной из них подсесть к противнику – и разомлевший от неожиданной удачи старик после очередного куша поведал ту же историю. Одно к одному. Черета несчастных случаев и закономерный финал: у машины лопнуло колесо, и семнадцатый в списке наследования улетел в реку.

Отыгрываться Люк не стал. Информация стоила потраченных денег.

Мать еще одного погибшего, графа Хеммингема, Люк застал на кладбище. Старушка, как ему доложил Леймин, каждую неделю по четвергам исправно ходила на могилу уже восемь лет. И прийти туда с цветами, якобы случайно столкнувшись с женщиной, было довольно просто. Как и разговаривать ее – вдовствующая графиня готова была рассказывать про сына бесконечно и после представления и нескольких минут общения пригласила Люка выпить чаю. С ней он был деликатным и обходительным, почти трогательным, слушал с участием, вздыхал и потирал покрасневшие от сочувствия глаза, качал головой. Все как обычно. И попрощалась с ним старушка, будучи совершенно уверенной в том, что нынешний герцог Дармоншир – необыкновенно приятный и милый во всех отношениях, глубоко чувствующий и понимающий человек.

Сын ее был поздним, тщательно оберегаемым ребенком. Муж умер рано, и вся любовь оказалась направлена на отпрыска. Он только-только был представлен ко двору, поступил в королевскую военную академию – и на второй год службы, стоя на карауле во время сильного ветра, попал под снесенный вниз ураганом кусок кровли.

Картина складывалась понятная, и Люк, выйдя из дома вдовствующей и очень одинокой графини, несколько минут жадно вдыхал зимний морозный воздух пополам с привычной снежно-дождевой пылью Лаунвайта. От общения с графиней Хеммингем осталось тягостное чувство. Но вместо того чтобы поехать домой отдохнуть, Люк сел в машину, выжал газ и понесся к магу, который делал заключение о проклятии в семье Таммингтон.

Устал, да. Но, как охотничий пес, вставший на след, уже не мог отказаться от расследования, и азарт будоражил его так, что он периодически втягивал носом воздух и скалился от предвкушения.

Все-таки титул делал свое дело – герцога Дармоншира в офисе Ирвина Андериса принимали без записи. Маг держал частную практику и явно процветал: офис находился в деловом центре Лаунвайта, в роскошном здании, и секретарь у волшебника была очень даже, хоть и немного вертлявая, и помещение оказалось сплошь увешано грамотами и сертификатами.

– Я к вам за консультацией, – сказал Люк, усаживаясь в кресло в обставленном, как комната психолога, кабинете. Окна во всю стену, сверкающая чистота, белые стены, минимализм, милые мелочи, на которых можно остановить взгляд. Маг располагающе улыбнулся и кивнул. Тоже отработанные жесты и мимика. Как почти все инляндцы, он был тощ, рыжеволос и бледнокож. На вид ему казалось лет сорок, но кто знает этих магов?

– Слушаю вас, – приятным голосом откликнулся Андерис. – Сделаю все, что смогу, ваша светлость.

– Вы ведь специалист по проклятиям, – продолжил Люк. – Мне вас рекомендовали как лучшего в этой области.

– Это преувеличение, – скромно улыбнулся маг. – Позвольте вашу руку, милорд?

Люк безропотно протянул ладонь через стол, и стихийник некоторое время держал ее в руке, закрыв глаза и к чему-то прислушиваясь.

– На вас никаких проклятий нет, – удовлетворенно сказал Андерис. – Ни свежих, ни родовых – я чувствую их до седьмого колена. Ауру я вижу не глазами, этот уровень мне недоступен, увы, но чувствую точно, да.

– Да я, собственно, не по поводу себя, – усмехнулся Дармоншир.

Маг подобрался, глаза его похолодели.

– Ваша светлость, – проговорил он почтительно, – если вы хотите узнать о ком-то из моих клиентов, то я сразу скажу: все происходящее здесь строго конфиденциально. Как на исповеди, никто и никогда ничего не узнает. Поэтому и вы лично можете быть спокойны. Это же спокойствие я обеспечиваю всем своим посетителям.

– Хорошо, – протянул Люк. – Тогда чисто теоретически, господин Ирвин. Это можно?

– Конечно, – успокоенно кивнул маг.

– Предположим, с каким-то человеком долгое время происходят несчастные случаи. Очень долгое. И из-за плотности этих случаев один из них не может не стать для него фатальным. Однако маг никакого проклятия на нем не обнаруживает. Есть ли какое-то другое объяснение? Например, если проклятие навел более сильный маг – можете ли вы, если вы слабее, не ощутить его?

– Нет, – пробурчал Ирвин, – я все равно почувствую. Я на этом специализируюсь, ваша светлость. Я даже после смерти клиента некоторое время могу уловить остаточные вибрации проклятия. Возможно, какой-нибудь недоучка и не увидит, но не я. Что касается невезения... Скажу вам честно, но рассчитываю, что это останется между нами.

– Обязательно, – пообещал Люк.

Маг вздохнул.

– Девяносто девять процентов того, что считают сглазом, действием проклятия, наговора, – простая человеческая глупость. И особенности характера, в том числе и семейного. Женщина жалуется: мол, прокляли, замуж выйти не могу, как и мать моя, как и бабушка. На иную и без разбирательства глянешь – сразу понятно, почему замуж не берут. А иногда чуть копнешь – а там в семье такой характер, что у бабушки, что у потомков, что даже растения не выживают, куда там мужику. Или, например, муж загулял. Жена бежит ко мне: приворот, снимите! А чуть мои ребята начнут расследование – так муж этот половину Лаунвайта уже осеменил. Диагноз – не приворот, а обыкновенная распущенность.

– На вас и сыщики работают? – понимающе спросил Дармоншир. Андерис ответил ему спокойным взглядом.

– Конечно, ваша светлость. Мое время дорого, и, если в обращении все очевидно, зачем мне напрягаться?

Люк задумчиво покрутил в руках неизвестно как оказавшуюся там сигарету. На автомате достал во время разговора, видимо.

– А как же проклятые предметы? – спросил он. – Я слышал много баек. В королевском музее, например, лежит алмаз Тёрхи, который якобы приносит владельцам смерть.

Маг поморщился.

– Тоже большая часть – вранье, ваша светлость. Сами понимаете, там, где деньги, где такие знаменитые камни, много желающих их себе прибрать. Вот и случаются с владельцами неожиданности.

– Но бывает и по-иному, да?

– Да, – неохотно согласился Ирвин. – Но проклятия на вещи – сложная работа. У каждого из таких «мастеров», – слово это он произнес с презрением, – свои секреты и способы маскировки. В отдел МагКонтроля попасть не хочется, а денег хочется. Вот и стараются умельцы. Какие-то предметы начинают работать только при контакте с телом того, кому хотят причинить вред, а остальное время находятся в спящем режиме. И обнаружить подобный предмет очень сложно. Какие-то активируются через много лет, чтобы никто не связал вещь и несчастье. Много секретов, ваша светлость. Да что там говорить, – досадливо махнул рукой маг, – иногда какая-нибудь бабушка-самоучка такого наворотит от вдохновения, чистым самопалом, что и не раскрутишь. Проклятия вообще тонкая вещь, ваша светлость. Бывает даже так, что на одного человека накладывается заклятье, которое активируется вторым человеком и именно этому второму приносит несчастье.

Люк напряженно думал, сопоставлял.

– Господин Ирвин, – спросил он. – А можно ли, например, внушить человеку склонность к саморазрушению?

Маг тоже задумался.

– Это уже сфера менталистов, и сильных менталистов, ваша светлость. Чисто теоретически можно внушить мысли о суициде. Или подавить инстинкт самосохранения. Но, повторюсь, это нужно обладать очень большой силой.

«И это никак не объясняет лопнувшее колесо или падение в ванной», – подумал Люк мрачно.

– Понятно. – Он поднялся. – Спасибо вам за потраченное время, господин Андерис. Надеюсь, в моем отношении политика конфиденциальности тоже будет соблюдена.

– Конечно, – твердо пообещал маг. – А что касается времени – вы его достаточно щедро оплатили, ваша светлость.

Кофейник пустел, а Люк всё просматривал листы со своими пометками, вспоминал, пытаюсь вычленив неучтенную деталь. Что-то, способное натолкнуть его на след злоумышленника.

Итак. Во всех рассказах проскальзывает одна общая черта – смерти происходили как нелепейшие несчастные случаи. И в большинстве своем перед гибелью люди переживали череду неудач и происшествий.

Но при этом самый напрашивающийся вывод – о наведенном проклятии – отмечается тем, что графиню Таммингтон проверял опытный специалист. Да и вряд ли служба Розенфорда не обратила на это внимания и не пригласила бы мага для проверки погибших.

Остается предположить, что все это простые совпадения («Конечно», – ехидно прозвучал в голове голос Тандаджи). Или что есть какой-то надежный способ маскировки проклятия.

Люк хмыкнул. Вряд ли на внутреннюю безопасность работают слабые маги. И возникни подобное подозрение у следователей, то его бы не отмели, пока не проверили бы досконально.

А может, его и не отмели? И ты, Кембритч, пришел сейчас к тому, что давным-давно известно Розенфорду.

Но ведь дела закрыты. Если о проклятиях известно – то почему закрыты? Не покрывает ли милейший глава службы безопасности преступников? Не участвует ли он сам в зачистке возможных претендентов на престол с какой-то неведомой целью?

Так, Люк, стоп.

Дармоншир с тоской повернулся к графину с коньяком и все же встал, плеснул себе немного в бокал. И выпил.

Ты пришел к тому, с чего начинал. Сделай Розенфорд хотя бы шаг в сторону от преданности короне, и похожий на унылую собаку Инландер выпотрошил бы его мозги, не меняя выражения лица.

Люк раздраженно поставил пустой бокал на стол. Подумал и налил себе еще.

А если проклятие все-таки на предметах? Или, как сказал маг, активируется каким-то человеком? Или все-таки внушение, а остальное – просто несчастные случаи? Кто-то же заставил барона Уотфорга выстрелить в Люка на охоте?

Если, конечно, барон не обычный криворукий идиот.

Люк застонал от злости – он ходил по кругу. Сжал зубы, потянулся за сигаретой. Щелкнул зажигалкой, прикуривая, и глубоко затянулся.

Спокойно. На неделе будет встреча с Леймином, посмотрим, что они успели нарыть. И Билли Пес отчего-то молчит. И еще. Не пообщаться ли с теми, кто входит в первые двадцать пять пунктов из списка наследования, но еще жив? Вдруг кого-то из них тоже и прямо сейчас преследуют несчастные случаи?

План действий привычно успокоил, и Люк, набросав несколько пунктов срочных дел, удовлетворенно откинулся в кресле. Распутает он этот клубок. Обязательно распутает, не будь он Люком Кембритчем.

Глава 3

Вторая половина декабря, Пески, Тафия

ладыка Четэрии слово держать умел. Поэтому нашел время среди свалившихся на него городских забот, оставил во дворце молодую жену и полетел в Йеллоуинь.

Опять его приняли как дорогого гостя, и снова возглавлял встречающих высокомерный и почтительный чиновник Винь Ло.

Но дракон долгих церемоний разводить не стал. От отдохновения и омовения отказался, приказал позвать тех, кто полетит с ним в Пески, и накрыть обед прямо на берегу озера, среди цветущего золотого императорского сада. И после обеда долго в этом самом озере плавал.

А когда вышел – ждал его на берегу императорский внук Вей Ши, одетый в шелка и золото, со слугой, что держал сумки с пожитками. Дракон ухмыльнулся, поцокал языком, но ничего не сказал: если захотел юноша покичиться знатностью рода напоследок, так холодный воздух в полете быстро дурь из головы выдует.

Ждала Чета и делегация чиновников с местными аристократами для встречи с Нории. И далеко от важных господ заметил дракон крупную фигуру массажистки, что стояла, опустив голову, рядом с еще какой-то женщиной и ребенком. К ним он и направился, одевшись.

Приблизился – женщины рухнули на колени, растянулись на траве.

– Что же ты, Люй Кан? – спросил Четери недоуменно. – Я же тебя не в рабство беру.

– Просить хотела, великий, – ответила массажистка приглушенно. – Откажешь – так тому и быть. Это моя сестра, Анү Кан, и мой племянник. Одни мы друг у друга. Не могу я их оставить. Возьмешь моих родных с собой? Она детский врач, педиатр, работать умеет, лишним ртом не будет.

Четери услышал знакомое слово и обрадовался.

– А сестры-акушерки у тебя нет? – поинтересовался он небрежно. – Нет? Ну и ладно. Найду. Полетели?

Первыми он приказал устроиться женщинам. Затем – делегации. А после – уже новоприобретенному ученику, поколебавшемуся, но поклонившемуся учителю с должным почтением. Чет глянул на будущего императора почти одобрительно.

– Слугу оставь, Вей Ши. У меня ученики сами всё должны уметь.

– Но как же? – засуетился стоявший тут же Винь Ло. – Нельзя оставлять благородного воина без помощи! Кто будет стирать ему одежду и чистить оружие?

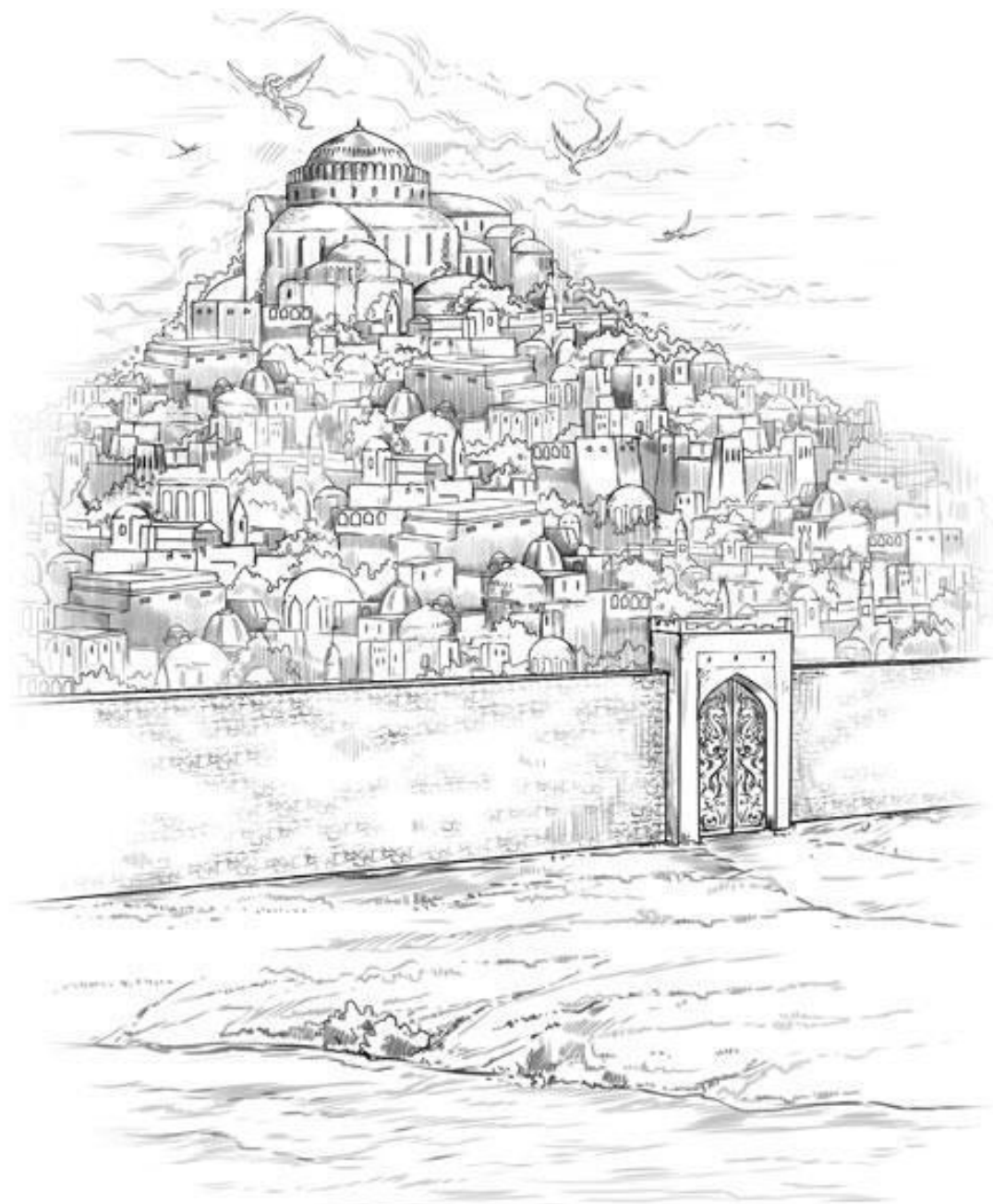
– И на ночь одеялом укрывать... А клинок держать тоже помощник будет? – усмехнулся дракон.

Ученик уничижающе взглянул на побледневшего Винь Ло, поджал тонкие губы, взял у растерянного слуги вещи. Терпеливо дождался, пока Четери обернется и все рассядутся. И только потом полез назад, мимо почтительно молчащих сановников и красных от смущения женщин.

Так, с толпой людей на спине, Владыка Четери и отправился в Пески.

Было, было искушение поиграть в воздухе, дабы к Нории почтенные йеллоувиныцы были достаточно уstraшенными, но это оказалось бы не-дип-ло-ма-тич-но. Поэтому летел он ровно, быстро и через несколько часов уже опускался во внутренний двор своего дворца.

Света, как всегда, вышла встречать его – красивая, загоревшая, прохладная. Удивленно посмотрела на спускающихся со спины мужа гостей – не ожидала, что их будет так много, – остановила взгляд на женщинах.

Город-на-реке, Тафия

– Это помощницы тебе, жена, – сказал Четери после того, как обернулся и выпил чашу крови. Пил жадно, но Света смотрела не морщась, только спросила: «Еще налить?» Дракон мотнул головой – его глаза медленно приобретали обычный цвет. – Обещал же, что врача найду, – добавил он, принимая из ее рук одежду. – Сестра доброй Люй Кан лечит детей. А сама Люй Кан имеет волшебные руки. Массаж делает. Не смог оставить ее там.

Светлана настороженно осмотрела опустившую глаза в пол крупную массажистку, ее сестру, испуганно прижимавшую к себе мальчонку лет пяти, решила, что соперничеством тут и не пахнет, и кивнула. Повернулась к расположившемуся неподалеку стройному йеллоувиңцу, немного синеватому от холода, с длинными черными волосами и узкими темными глазами, и шепотом спросила:

– А это кто?

– А, – вспомнил Четери. – Это мой ученик. Вей Ши, подойди, – позвал он. И когда внук императора, чуть задержавшись, приблизился, приказал: – Это моя жена, Светлана. Слушай ее как меня. Говорит она на рудложском, поэтому с ней общайся на ее языке.

– Каких она кровей? – не глядя на Светлану, величественно поинтересовался молодой человек. Света улыбнулась – голос у него был приятный, даже чуть напевный, но, как у всех йеллоувиныцев, очень непривычно для рудложского уха ходил от низких и агрессивных, быстрых модуляций до высоких, почти женских.

– Простых, – усмехнулся Чет с обманчивым спокойствием, внимательно отслеживая мимику ученика.

– Мастер, – глухо, глядя в сторону от Светланы, проговорил тот. – Для меня нет позора подчиняться вам. И клялся я только в этом. Но я не могу служить женщине, тем более простолюдинке, вся слава которой – в ее муже.

Света покраснела и тут же забеспокоилась, примиряюще коснулась руки Чета – не разозлился бы. Йеллоувиньские делегаты, перед которыми и выступал наследник, скромно и терпеливо стояли рядом и молчали, ожидая, чем закончится первое противостояние гордого Ши и учителя.

Вей Ши

– А на кухне есть у нас работа? – небрежно поинтересовался Чет у Светы. Та неуверенно кивнула. – Там ведь трудится повариха? Думаю, ученику стоит сначала подраить котлы под командованием поварихи. Тогда подчиняться жене Владыки будет не зазорно.

– Я воин, а не прислуга! – вспыхнул Ши, тонкие губы его изогнулись.

– Воин? – рявкнул Четери, да так, что одетые в шелка сановники качнулись назад в испуге. – Какой ты воин, сосунок?! Ты не воин, ты даже не куколка воина еще, так, тело с руками и ногами. Здесь даже полотер выше тебя, потому что знает и умеет делать свою работу. И запомни: жена моя – с этого дня госпожа над тобой. Понял?

Ши непреклонно выпрямился. Чет покосился на сжавшую его руку Светлану и продолжил уже тише, но со стальной жесткостью в голосе:

– Гордыня – первый враг того, кто учится бою. Так что, – дракон оглянулся, – вставай на ворота, будем гордыню проветривать. На одной ноге, руки в стороны. Спустишься только в кухню, котлы драить. И только после того как у жены моей попросишь разрешения.

Принц насмешливо хмыкнул, побежал к воротам, полез наверх, как обезьяна, и встал на створку, подняв ногу в колене.

– Света, – предупредил Чет, – не жалея.

– Ну ты и грозный, – прошептала Светлана, сделав большие глаза, – детей наших тоже так гонять будешь? Теперь я понимаю, откуда у тебя прозвище Гроза.

– Это не ребенок, а нахаленок, – отмахнулся Владыка Тафии с усмешкой. – Не научится подчиняться мне – не сумеет подчиниться мечу. Пусть стоит.

Света еще раз, через головы застывших с каменными лицами и старающихся не оборачиваться йеллоувиnceв, посмотрела на парня. Тот держался упрямо, разглядывая город, и черные волосы его струились по ветру. Створки вдруг дернулись – и Ши покачнулся, но устоял. Во двор заходили слуги, удивленно рассматривая невиданное украшение на воротах и громко обсуждая его на своем языке.

– Ступайте за мной, почтенные, – вежливо сказал Четери обеспокоенным йеллоувиnceв, – отдохнете, поедите, и дальше полетим. Владыка Нории ждет нас к вечеру.

Чиновники все как один поклонились ему, затем – удивленно улыбнувшейся Свете и зашагали за хозяином дворца в благословенную тень, оставив своего будущего господина и императора изображать цаплю на тяжелых кованых воротах. Света осталась с женщинами.

– Вы понимаете рудложский? – спросила она.

– Очень плохо, госпожа, – с достоинством ответила массажистка. – Но мы научимся. Если вам не угодно наше присутствие, мы уйдем, не обижайтесь на мужа.

– Да куда вы уйдете? – удивилась Светлана. – Тут пустыня кругом. Вы скажите, вам лучше при дворце жить или в своем доме?

– Не для дворца мы, госпожа, – почтительно сказала Люй Кан. – Мы же не благородных кровей.

Света, по правде сказать, растерялась. Чет принял решение, а куда девать прибывших – непонятно.

– Вы ведь врач? – вспомнила она, обращаясь к сестре массажистки. – Но здесь, к сожалению, нет лекарств.

– Я травы знаю, госпожа, – с еще более жутким акцентом проговорила целительница. – И не только детей лечить могу.

– Прекрасно, – обрадовалась Света. – Травы на рынке можно купить, хоть они и дорогие. Давайте так. Вы пока поживите во дворце, походите по городу, присмотрите себе дом. Деньги на обустройство и закупку трав я вам выдам, а как готовы будете – переедете. Вы, – она кивнула массажистке, – начнете во дворце работать, а вы, – кивок сестре, – дома принимать людей. Можете взять помощников. Станете у нас первым медиком Владыки.

Женщины напряженно вслушивались в ее слова, переглядывались.

– Пойдемте, – решила Светлана. – Сейчас вас накормят, а потом я попрошу служанку помочь вам, провести по городу. Не стесняйтесь обращаться к ней, а если понадобится – то и ко мне. Пока у нас тут бардак и все по-простому, но жизнь наладится.

И жена дракона сама повела опешивших сестер в роскошный дворец драконьих Владык.

* * *

Нории принял йеллоувиньских гостей ласково, а вот Чету, собиравшемуся сразу после прибытия улизнуть, коротко сказал:

– Побудь на встрече, тебе это понадобится.

– Зачем? – буркнул Четери.

– Если останешься один, – спокойно пояснил Нории, – тебе нужно будет знать, о чем мы договаривались.

Мастер клинков сверкнул глазами.

– Нории, – рыкнул он. Вдохнул, успокаиваясь. – Последний раз прошу. Заклинаю тебя. Скажи ей о проклятии. Скажи о терновнике. Сил моих нет видеть, как вы, два упрямых дурака, к смерти идете.

– Проблемы должны решать мужчины, – с каким-то неживым спокойствием повторил ему Владыка Владык уже сказанное однажды. Глаза его были пусты, и сила изливалась таким потоком, будто он решил за несколько дней опустошить себя, отдав жизнь земле. – И думаешь, как отнесется она к тому, что в несчастьях ее семьи повинны мы? Ты не знаешь характера этой Рудлог. А я знаю. Знаю, что теперь по своей воле она никогда не вернется. Поэтому не спорь со мной. Хватит об этом.

– От тебя идет холод, – проговорил Четери тихо. – Ты думаешь, я могу принять это?

– Придется, – ответил Нории жестко. – И не иди против меня, друг. Я вижу, о чем ты думаешь. Запрещаю тебе с ней говорить.

Мастер клинков сжал зубы.

– Это уже не мудрость, Нории. Это гордость. Только-только одного юнца на ворота за нее выставил. Может, и тебе встать? Проветриться?

– Лучше потом дай мне бой, Чет, – усмехнулся Владыка Истаила. – Отвлекись сейчас мне очень нужно.

Чет кивнул, покачал головой и промолчал. И принял участие в долгих велеречивых переговорах, которые продолжились и на следующий день. Впрочем, и ему они принесли пользу: чиновники, впечатленные показательным наказанием наследника, настойчиво предлагали дракону ту помощь, которая понадобится для Тафии. И Чет, подумав и вспомнив все, что говорила ему мать Светланы, продиктовал им свои пожелания, пообещав, что все будет щедро оплачено. Врачи. Больница. Школа. Хотя бы один су-пер-мар-кет. В котором обязательно должны быть детские товары. И книжный магазин с литературой на рудложском языке.

* * *

Светлана дожидалась мужа во дворе. Давно уже было темно, она зевала, но упорно ждала. Маячащий на воротах плотной тенью наследник ее так и не позвал, хотя пережил и жаркий день, идвигающиеся туда-сюда створки, и к концу светового дня выглядел уже мрачным, по сторонам не глядел, и руки его, раскинутые в стороны, периодически подрагивали.

Жалость в ней, конечно, плескалась, но не столько к «нахален-ку», сколько к Чету. Это же сколько он выдержал в таком обучении, пока научился так танцевать с оружием?

В медленно остывающем дворе вдруг уплотнился воздух, встал серебряной гладью, и оттуда шагнул профессор Максимилиан Тротт. Кивнул Свете, снисходительно вытерпел поцелуй в щеку.

– А Чета все еще нет, – грустно сказала Светлана. – Сегодня, наверное, не будет занятия, Макс.

– Я думал, может, сигналка разладилась, – с сомнением произнес маг. – Вот и пришел в обычное время по ориентирам. Ну, раз нет, обратно пойду.

– Подожди, я хоть молока тебе попрошу налить. – Светлана вскочила. – А может, поужи-наешь со мной? Подождешь? Вдруг вернется?

– Нет, – сухо отказался Тротт.

– Ты когда ел сегодня? – словно не слыша его, спросила Светлана. Макс промолчал, и она вздохнула. – На кухне стоит готовая еда. Полчаса – и можешь идти. Все равно тебе надо отдохнуть после перехода.

Слуги быстро накрыли столик прямо во внутреннем дворе, у фонтана. И Света, не обращая внимания на молчаливость гостя, развлекала его беседой. Он заметно расслаблялся, и жареную баранину ел уже с удовольствием, и на вопросы отвечал не так, будто одолжение делает. В один из моментов оглянулся, недоуменно задержал взгляд на воротах.

– А это кто?

– Второй ученик, – сообщила Светлана жалостливо. – Наказан.

Макс задумчиво всмотрелся в едва видимую тень и вдруг хмыкнул – представил себя там, на воротах. И ведь встал бы.

– Хороший метод воспитания, – сказал он насмешливо и совсем по-человечески, – студентов бы так учить. Хорошо, что наш ректор с драконами знаком не был.

Он потер переносицу, встал.

– До свидания, Света.

– Может, переночуешь у нас? – спросила она с сомнением. – Тут такой воздух, знаешь, как спится? Я по утрам еле вылезаю из постели.

– Нет, – ответил инляндец ожидаемо. – Я пойду. Четери мое почтение.

Макс исчез, а Света решила все-таки идти спать. И легла ведь, но сон не шел – вся изворчалась, сбила простыни, и тщетно накрывала голову подушкой, и ложилась на место мужа, – не могла заснуть, и все тут. Вздохнула, накинула легкое платье и пошла во внутренний двор.

Тяжелое дыхание стоящего на воротах парня она услышала еще с галереи. Остановилась, переживая. Нарушить просьбу Чета? Или все же не помогать?

Все-таки подошла.

– Эй, – позвала она тихо. – Как тебя там? Май Ши? Спускайся давай. Хватит с тебя.

– Уходи. Как великий воин мог взять в жены женщину простых кровей? – раздался сверху злой голос. – И тебя он предпочел моей сестре? Прекрасной деве рода Ши?

Света улыбнулась и пообещала себе приласкать Чета по возвращении.

– Скажу твоему мужу, что ты мужчину без него принимала, – продолжал очень уж дерзкий ученичок. – И что приказ его нарушила не отпускать меня. Вот он тебя и выгонит.

– Ну ты и дурачок, – без обиды сказала Светлана. – Спускайся, герой, кому говорят. Я тебе приказываю. Отоспишься – и завтра на кухню.

– Учитель сказал стоять, значит, буду стоять, – высокомерно ответила тень на воротах. – И меня зовут Вей Ши, женщина. Такие, как ты, обращаются ко мне господин Вей Ши.

– Господин Вей Ши, – с иронией произнесла Света, – ты будешь с беременной женщиной спорить? А что скажешь учителю, если я ноги сейчас застужу?

Парень молчал, и пришлось пойти на военную хитрость.

– Ой, – крикнула она и чуть не рассмеялась от ненатуральности, – живот прихватило! Ох, не дойду до кровати!

И для правдоподобности согнулась и обхватила себя за живот.

Рядом раздался стук – парень прыгнул с ворот и застонал, трясая затекшей ногой.

– Ну что ты, – произнес он растерянно, – обопрись на меня, говори, куда идти.

– Да конечно, – едко ответила Светлана, – тут еще кто на кого опираться будет. Пойдем, покажу тебе твою каморку. Покоев не заслужил, уж извини, поселю, куда муж распорядился. И ко мне нужно обращаться на «вы», господин Вей Ши. Ну что? Обратно полезешь? Или пойдешь со мной? Все равно ведь уже спустился.

Она, не оглядываясь, пошла вперед. За ней, нахмурившись и прихрамывая, шагал наследник Желтой империи, мрачно рассуждающий, что все женщины коварны, а простых кровей – особенно. И теперь учитель будет уверен, что он слаб и воспользовался первой возможностью уйти от наказания.

* * *

Чет прилетел во второй половине следующего дня. Обнял подошедшую Светлану, оглянулся на ворота.

– Пожалела-таки? – спросил он и усмехнулся. Аккуратно провел ладонью по ее животу, поцеловал в висок.

– Я заснуть не могла, – жалобно ответила Света, ластясь к нему, глядя по спине и просительно заглядывая в глаза. – Не сердись. Тебя не было, я себя каким-то палачом почувствовала. Совесть замучила. Четери?

– Я так и думал, – сказал он и добавил со строгостью: – Я не сержусь, но, Света, не балуй мне учеников. Насколько ты сумеешь, конечно.

– Я постараюсь, – пообещала она. Муж только хмыкнул недоверчиво. – Очень-очень. А сейчас нас ждет обед, – проворковала она ему в шею. – Вкусный.

– Самое время, – проворчал дракон. – У меня от этих пе-ре-го-во-ров голова гудит. Так что срочно кормить меня и ласкать.

– Это как раз то, что я умею, – успокоенно пробормотала Светлана. – Кстати, Чет, сюда Макс приходил. Не дождался сигнала, забеспокоился.

– Усердный, – проговорил Четери с удовольствием. – Вот что, жена моя. Задание кормить, – он сжал ее и куснул за ухо, – и ласкать, – Света замурлыкала и потерлась о него, – остается в силе. А потом я тебя снова покину ненадолго. Увлеченность нужно вознаграждать... хотя и рано ему, но рискну.

* * *

Профессор Максимилиан Тротт завершал дела в лаборатории, когда на запястье мягко завибрировала и сжалась сигналка от Четери. Однако природник, заканчивающий плести сложную вязь заклинания нового зелья для министерства здравоохранения, даже не дернулся. Чуть отвлечешься – и погубишь плод почти недельной работы. Настойка на основе сафары южной. Человек, принявший ее, может не спать до пяти суток, а потом, вколов деактиватор, спокойно вернуться к нормальному режиму. Мозг и тело на пятый день действовали так же четко и бодро, как на первый, правда, отоспаться после деактиватора было жизненно важно.

Макс запечатал флаконы с экспериментальными образцами, рядом выставил их на полку, оглядел свою сверкающую лабораторию – и шагнул в Зеркало, как-то мимоходом вспомнив, что не обедал и не ужинал.

* * *

На Тафию уже спускались ласковые бархатные сумерки. Все так же мирно плескал фонтан во внутреннем дворе и витал над лазурно-белой плиткой душистый, чуть приторный аромат южных трав и цветов. В стороне, на ступенях у выхода из дворца, угрюмо и упорно начищал какой-то котелок молодой йеллоувинец, видимо, тот самый второй ученик, и скрежещущие звуки от его усердия казались в этой мирной тишине неуместными. На вышедшего из перехода Макса парень посмотрел с любопытством, тщательно скрываемым под маской равнодушия. Тротт присмотрелся – и чуть не присвистнул от удивления. Аура у несчастного посудомоя была очень примечательной.

– Здравствуй! – весело крикнула Светлана. – Молоко у фонтана, попей!

Она забралась на резную, выложенную мозаикой скамью с ногами, скрестила их и выглядела как отдыхающая на курорте. Рядом с ней сидел Чет, лениво откинувшись на спинку скамьи, и поглаживал длинный кожаный сверток, лежащий на коленях, периодически касаясь пальцами Светиной стопы. Между супругами россыпью лежали яркие солнечные мандарины, один из которых и чистила Светлана, добавляя сладости и горечи в воздух.

Макс приветственно кивнул в ответ, вздохнул – внутри от этого запаха заворочался голод, накладываясь на слабость от перехода, – и торопливо пошел к фонтану, взял кувшин с молоком и принялся жадно пить, чувствуя, как почти мгновенно согревается и наполняется силой тело, как крепнут дрожащие руки. Потом умылся, снял рубашку, повернулся к учителю. Мастер клинков уже вставал навстречу.

– Я обещал тебе меч, – сказал дракон торжественно, но это не казалось ни пафосным, ни смешным. – И искал его для тебя – но эти клинки позвали меня, хотя ты и не обучен сражаться обеими руками. Ну ничего. Если покорятся тебе, если выдержишь – научу. Бери. И терпи.

Он развернул сверток, и Макс задохнулся от совершенно детского восторга. Там лежали клинки. Тонкие, изогнутые, льдистые и сверкающие голубоватым лунным холодом. Один чуть меньше другого, с черными рукоятями. От оружия шла чуждая холодная сила, колющая протянутые ладони, отталкивающая, словно магнитом. Четери смотрел внимательно, выжидая, и Тротт преодолел сопротивление и взял их. И чуть не заорал: руки до плеч прострелило электрическими дугами, клинки раскалились добела – и истаяли, впитавшись в ладони.

– Приняли тебя, – сказал Четери довольно, не обращая внимания на обожженные руки ученика. Макс, сжав зубы и помотав головой, чтобы стряхнуть с ресниц слезы, лечил себя, и боль отступала, оставляя голову пустой, а его самого – совершенно измотанным. Света отвернулась, опустила голову, зато новый ученик поглядывал на него с плохо скрываемой завистью.

– Теперь они всегда будут с тобой, – продолжал дракон. – Слились с твоей аурой, и позвать их сможешь где угодно. Это Дезэиды, Смерть несущие, клинки моего учителя, Мастера Фери. Он сам создал их из своей энергии, в них жива частица величайшего воина. Позови их сейчас. Мысленно представь в руках.

Макс дернул пальцами – и в ладони легли черные рукояти. Уже ласково, холодея кожу, прочно уместившись в руках, словно всегда там и были. Как для него сделанные. Идеальные.

– Спасибо за честь, Мастер, – с трудом произнес Тротт и поклонился.

– Будь достоин их, – строго проговорил Чет. – Учитель мог нанести сотню ударов, не касаясь земли. Когда мы сражались с ним, на деревьях рядом не оставалось листьев, а люди падали, неспособные вынести звук схватки.

– Но почему ты не взял их себе? – недоуменно спросил Тротт.

Чет усмехнулся.

– К тому времени, как учитель умер, я уже умел создавать свои.

Он развел руки – и в его ладонях появились сияющие клинки.

– Начнем, – сказал он просто. – Объясню тебе отличия.

И он терпеливо начал обучение. Показывал позиции, основные движения, порывивал, когда что-то не удавалось, и явно сдерживал себя, скорость движения.

– Утром встаешь – и повторяешь. Спать ложишься – и повторяешь, – говорил Четери. – Тогда тело само перестроится на бой двумя руками и будет действовать, не подключая сознание. Помни: с двумя клинками для тебя неважно, сколько вокруг врагов. Важна только твоя скорость. И ритм.

В конце, когда снова дрожали и наливались свинцом руки, а ноги стали заплетаться, Четери вдруг ускорился, стал обидно вспарывать кожу кончиками лезвий, и опять запах собственной крови и невозможность защититься вызвали ярость – а с ней пришла и скорость, и усталость отступила, и последние минуты во дворе разносился непрерывный звон оружия и звук легких шагов сражающихся.

Достать дракона не удалось – лезвие клинка Четери полоснуло по бедру, нога подвернулась, и измученный Тротт рухнул на землю. Перевернулся на спину, чувствуя, как холодит плитка кожу, и глупо улыбнулся, глядя в черное небо с сияющей пылью звезд. Клинки медленно иставали в руках.

Чет косился на него с усмешкой, протирая оружие. Подошел к ученику.

– Левая рука у тебя совсем слабая, – сказал он недовольно, поднимая Макса за ладонь. – Запястье, пальцы. И дыхание с непривычки сбил. Плохо, ученик. Не так плохо, как я думал, но похвалить не могу.

– Будет лучше, – сипло сказал Макс, залечивая свои раны. – Обещаю.

– А куда ты денешься? – весело удивился Четери. – Тренируй руку. Отжимайся на пальцах.

Света подошла к мужу с полотенцем, и тот облился водой из фонтана, протер тело.

– Смотри, – приказал дракон и опустил на плитку. Светлана присела на край фонтана, откровенно любуясь мужем. – Отжимаешься сначала в обычной позиции, потом упор на пальцы, – Чет легко поднялся-опустился несколько раз, – потом правую убираешь, – он поднял руку, но отжимался так же легко, – а потом груз на спину. Света, встань на меня.

– Я не груз! – с притворным возмущением возразила Светлана. Но сняла тапочки, осторожно прошла по ногам мужа к спине, встала, удерживая равновесие. Чет даже не поморщился.

– Держись?

– Угу. – И взвизгнула: Четери опустил вниз, поднялся, снова опустил. – Подожди, – сказала она, дракон застыл, – я лучше сяду.

Светлана осторожно села, скрестила ноги и заулыбалась – муж под ней ходил вверх-вниз, и ощущения были, будто ее на качелях катали. Наклонилась, обхватила его за шею и тихо, горячо прошептала на ухо:

– Ты такой сильный, Четери.

Дракон смешливо фыркнул, опустил на землю, подождал, пока она сойдет.

– Пробуй, – сказал он Макс, снова присосавшемуся к кувшину с молоком. – Чтобы окрепнуть, в день нужно делать минимум пятьсот раз на пальцах. Но не переусердствуй, груз добавляй постепенно, чтобы не вывернуло запястья и суставы.

И Тротт, хоть сил не было вообще, послушно опустил на плитку, завел правую руку за спину и начал отжиматься. Чет его не останавливал – с наслаждением пил какой-то ягодный морс и блестящими глазами поглядывал на заливающегося потом обладателя кучи научных наград и степеней.

Макс сломался на третьей сотне. Упал на плитку, больно приложившись подбородком, и закрыл глаза. В ушах шумело, пальцы болели, левую руку он почти не чувствовал. Услышал шаги – и перевернулся, сел. Над ним стоял дракон, и на лице его была прямо-таки отцовская гордость.

– Я доволен твоим упорством, – сказал Чет. – Вставай. Обмоешься, и будем ужинать. И, – он понизил голос, – сделай лицо не таким страдающим, а то Светлана от жалости уже готова плакать.

Света потерла нос и извиняющеся улыбнулась Максу.

Воскресенье, 18 декабря, Блакория

С утра у дома придворного мага Блакории появился неожиданный посетитель. Потоптался на крыльце, сдернул перчатку и решительно нажал на звонок.

В доме было тихо и сонно. Даже повар на кухне посудой погромыхивал деликатно, приглушенно, и почти неслышно шуршали метелками горничные, собирая пыль, да дворецкий просматривал на свет хрустальные бокалы, дабы укорить потом прислугу за найденные пятна.

Звонок привел дворецкого в недоумение – все знакомые хозяина знали, что в такую рань приходить бесполезно. Слуга аккуратно запер бокал в шкафчик и неспешно двинулся к двери.

На пороге стоял молодой человек лет девятнадцати, ежась от мороза, и, хотя одет он был тепло, щеки его уже покраснели и в носу хлюпало. Однако вид он имел решительный и даже отчаянный.

– Я к ректору фон Съедентенту, – выпалил он и постучал ногой о крыльцо. Звук получился деревянный.

– Господин ректор по делам академии принимает на рабочем месте, – сухо ответил дворецкий. – Сейчас выходной, молодой человек, беспокоить его я не буду.

– А я по его заданию, – довольно нахально высказался студент и потер ладонью красный нос. – Он говорил, это очень важно! А в академии его застать невозможно, я всю неделю пытался...

Дворецкий поколебался.

– В любом случае раньше полудня он не сможет вас принять, молодой человек.

– Я... подожду здесь, – жалобно сказал студент и шмыгнул носом. – Это правда важно и срочно.

Слуга с каменным лицом оглядел посетителя, подумал, что вряд ли барон обрадуется, если носитель важной информации примерзнет к порогу и скончается тут же от холода, и отступил в сторону. Опять придется вызывать огонь на себя.

– Проходите. Я провожу вас в малую гостиную. Выпьете чаю, согреетесь. Будем надеяться, лорд фон Съедентент быстро... освободится. Как вас представить?

– Руфус Винхальтер. – Молодой человек топал за дворецким, разматывая с шеи широкий колючий шарф и с восторгом глядя на большую прихожую, на тяжелые двери и мрачноватую обстановку. Никто из студентов здесь не бывал, а вот он теперь сможет рассказать друзьям, как живет ректор. Зашел в гостиную и, скинув на кресло пуховик, подбежал к камину, протянул к огню руки.

– Как здесь здорово, – сказал он с восторгом. Обернулся, наткнулся на предупреждающий взгляд сопровождающего. – Я не буду ничего трогать, честно. Я подожду.

* * *

Мартину фон Съедентенту спалось очень сладко. Было тепло, где-то на краю сознания мозг улавливал потрескивание поленьев в камине, и одеяло было мягким, и снилась барону какая-то приятная чушь с зелеными полянками и прогуливающимися по ним лошадьми. И он с удовольствием бы досмотрел сон до конца, но этому помешала суровая реальность в виде голоса дворецкого, призывающего хозяина проснуться.

– Виктор, – прорычал очень злой будущий ландграф, открыв один глаз и узрев нарушителя, – уволю к чертям собачьим! Пошел вон!

Дворецкий, на всякий случай держась подальше от кровати, с каменным лицом ответил:

– Простите, милорд, но я подумал, что это важно для вас. Вас дожидается господин Винхальтер, ваш студент. Он сказал, что здесь по вашему заданию.

– Какому к чертям заданию! – рывкнул барон в подушку и натянул на себя одеяло. – Не было у меня никаких заданий! Гони его прочь!

Дворецкий незаметно покачал головой и направился к двери. С тех пор как хозяин внезапно примкнул к секте, проповедующей воздержание, характер его сильно испортился. А раньше, бывало, выпустишь из спальни девиц, принесешь кофе, и тебе еще и премию вручат от приподнятого настроения.

– Постой, – вяло пробубнил из-под одеяла Мартин и неохотно высунул наружу ногу, пошевелил пальцами. – Я вспомнил. Лучше бы не вспоминал. Так, отвлеки его, накорми...

– Уже, милорд, – почтительно сказал Виктор.

– Еще неси, – приказал Март, – студенты всегда голодные, сколько ни корми, мне ли не знать. Я сейчас очухаюсь, мозги в рабочее состояние приведу... Завтрак мне сюда, Виктор.

– Будет сделано, милорд, – вежливо сказал дворецкий и удалился.

Через полчаса ректор магакademии и будущий ландграф спустился в малую гостиную. И застал там дрыхнувшего на диване студента. Он бы даже умилился, если бы онный студент тем самым не напомнил ему об опустевшей теплой кровати.

– Винхальтер, подъем!

Парень подскочил.

– Я не сплю, не сплю! Повторите вопрос, профессор!

Лицо его приобрело осмысленное выражение, он огляделся с недоумением, потер сонные глаза и встал.

– Простите, господин ректор. Я ждал, ждал и сам не знаю, как заснул.

– У меня были дела, – сурово объяснил Мартин. – Итак, что вас привело ко мне?

Студент зевнул широко, с отяжкой, вызвав в королевском маге прямо-таки злобную ненависть.

– Я это... – пробормотал он. – По делу.

– Я уже понял, – сообщил строгий ректор, усаживаясь в кресло напротив. – По какому?

– Вы обещали, если что-то про конец света найдем, поможете с экзаменами, – студент выжидательно посмотрел на мага.

– Смотря что нашли, – подтвердил Мартин. – Говорите, Винхальтер, не тяните время. Неужто осилили весь список тидусских эпосов?

– Я их вообще не читал, – признался студент. Март мрачно поднял брови, и юноша торопливо добавил: – Я в другом месте нашел. Я же подрабатываю, господин ректор, в музее династии Гёттенхольд. И, когда вы задание давали, я прочитал его на стенде. И что-то мелькнуло в голове. Я долго ходил, пытался вспомнить, где же я видел упоминание о конце света. И вот.

Мартин чуть не застонал от столь бессвязной речи.

– Что вспомнили? – доверительно спросил он.

– Так я... это... Пошел посмотреть. А там – надпись!

И студент уставился на ректора с гордым видом кота, который первый раз сходил в лоток.

– Где? – медленно зверея, уточнил Мартин. – Что за надпись?

– На копии поминального камня одного из Гёттенхольдов, – неожиданно четко сказал студент. – Они, господин ректор, Гёттенхольды то есть, перед смертью писали наставление сыновьям. Те, кто успевал, конечно. И потом это длинное наставление выбивалось золотом на широкой плите, чтобы потомок, навещая родителя, всегда его видел. И вот в музее стоят копии этих поминальных плит, сами-то они на кладбище старой династии. Их совсем недавно сделали, копии, потому что от непогоды плиты разрушаются...

– И что там написано? – поинтересовался Мартин нетерпеливо.

– А я сфотографировал. – Студент полез в карман и вынул довольно-таки помятую фотографию. – Не все понимаю, если честно. Камню почти шестьсот лет, что-то стерлось.

Мартин взял фотографию и некоторое время глядел на нее, постепенно мрачней.

– Да, – сказал он со вздохом. – Молодец, Винхальтер. Проводишь сейчас меня к камню, нужно самому посмотреть.

– Экзамены? – рискнул напомнить пытливый юный ум.

– Раз обещал – будут тебе экзамены, – с видом мученика подтвердил Мартин. Парень просиял. – Но это только на ближайшую сессию распространяется, Винхальтер. Следующую придется сдавать самому.

– Конечно! – радостно и очень убедительно ответил студент.

* * *

Тем же вечером у Мартина дома собрались друзья. И фон Съедентент, облокотившись на стену под светильником, подсвечиваемый отблесками огня из камина, с выражением зачитал текст с фотографии.

«Знай же, что весной встретила меня старуха Гретта, про которую говорили, что видит она будущее. Она бросилась под копыта моего коня, и Рьеверн встал как вкопанный. И сказала она мне: „Великий король! Сильна твоя кровь, однако и она ослабнет, и семя твое в веках истончится. И с концом Гёттенхольдов начнется конец мира сего. Где твой повелитель, король-ворон?“

„Что ты видела, Гретта?“ – спросил я почтительно, ибо старость, пусть и безумная, требует уважения.

„Видела я Смерть под небом другого мира, мой король, – ответила она, – и смерть Смерти. Видела я камни, видом похожие на застывшую кровь, силы невиданной, которые могут вернуть ее. Изгнана смерть огнем! И твердо держат потомки богов Туру, закрывая смерти возможность вернуться. Камни те – божественная рута, смолой свернувшаяся; каждый, обладаю-

щий таким, увеличивает силу свою. А вступивший в брак с огнем может тот камень заменить, силу огненную впитав“.

Речь ее становилась бессвязной, но я внимательно слушал, потому что говорила она о тех вещах, которые для дома нашего были непостижимы от начала веков.

„Явлено было мне, что в вершину года, – говорила она, ухватив меня за сапог, – камень нужно окропить кровью пленника и кровью пленившего, се будет ключ от ворот блистающих и ослабит запрет. Падут же врата тогда, когда сила владык земных иссякнет“.

Заклинаю тебя, сын мой, собери провидцев, ибо старуха уже умерла и больше ничего я добиться от нее не смог. Возлагаю на тебя и потомков моих обязанность найти тот камень и открыть путь на Туру нашему божественному покровителю».

Мартин закончил читать и помахал фотографией.

– Ну что? Впечатляет?

– Впечатляет, – расстроено подтвердила Вики и вздрогнула – в камине звонко треснуло полено.

Тротт молчал, уйдя в себя и рассеянно поднося к губам бокал с вином. Мартин не стал включать верхний свет, оставив для уюта только напольные светильники, и выражение лица инляндца было сложно рассмотреть.

– Ну что же, – подвел итог Алекс. – Для бреда слишком много пересечений с сегодняшним днем. А значит, подтверждается то, к чему мы пришли самостоятельно – все происходящее: и иссякающая стихия Смерти, и буйство нежити, и пространственные прорывы – связано с отсутствием Черного Жреца. По всей видимости, он изгнан в другой мир, и, чтобы вернуть его, нужно провести некий ритуал.

– Да, только нужно теперь понять, что это за ритуал, – сердито сказала Виктория. Она всегда злилась, когда чего-то не понимала. – Что за камень? Что за пленник и пленивший?

– Если смерть – пленник, то пленивший – огонь, по логике. – Мартин уселся в кресло и задумчиво оглянулся на пляшущее в камине пламя. – Вечный Воин. А кровь – кровь их потомков, полагаю. Если только это не метафора и кровью смерти и огня не обозначены их стихии, например. Или еще что-то столь же поэтичное. Учтите, что я переводил со староблакорийского, часть надписи не поддается прочтению, да и смысл при переводе на современный язык может немного меняться. Остается надеяться, – добавил фон Съедентент с невеселым смешком, – что у почившего Гёттенхольда была крепкая память и он не переврал слова старой ведьмы. Забавно все-таки, что мы вынуждены опираться на перевод воспоминаний умирающего о бреде безумной.

– Есть другой вариант? – огрызнулась Виктория.

– Ты еще не похвалила меня за этот, – вкрадчиво сказал барон и посмотрел на ее губы, опустил взгляд ниже и снова нахально взглянул в глаза. На лице его она увидела удовольствие от того, что она сейчас здесь, в его доме, в его кресле – и привычно фыркнула:

– Тебя за что хвалить? За эксплуатацию студентов?

– Он вовсе не выглядел угнетенным, поверь, – заверил ее Мартин. – Да и вообще, за угнетением неофитов обращайся к Максусу, он в этом деле светоч и образец. Малыш, ты чего молчишь? Заснул?

Тротт поморщился и допил вино.

– Не вижу причин для оживления и радости, – сухо проговорил он. – Положим, конец света возможно остановить, если вернуть Черного Жреца. Для этого всего-то нужно найти неизвестный камень, окропить его неизвестно чем непонятно в какой день и ждать, пока ослабнет сила королей. А если это сработает, в чем я сильно сомневаюсь, вспомним видения Алекса про тысячи чудовищ из Нижнего мира. Не открытие ли прохода для бога спровоцирует массовое нашествие таких тварей, как тха-охонги? И не будет ли это катастрофичнее падения стихий?

– Ну что, – жизнерадостно вмешался Мартин, – перспективы отличные. Если не пытаться вернуть Жреца, конец света точно наступит вместе с уходом магии и катаклизмами. Если пытаться – есть большой риск, что нас всех сожрут гигантские муравьи и добьет война.

– Может, именно отсутствие Смерти на Туре и уход магии поспособствуют открытию порталов, – возразила Вики.

– Предположения, – проворчал Макс недовольно. – Вот именно, что мы гадаем, а не знаем. А для принятия решений нужны факты.

– Да, о фактах, – вспомнил Свидаерский. – Первая партия твоих камер со спектральным видением готова, Макс. Уже договорились, что их установят в Северных горах, в сейсмоактивном районе. Если будут открываться переходы, увидим и сможем изучить. И, пожалуйста, зайди ко мне завтра, подпиши патент, иначе следующую партию не скоро запустят.

Макс сухо кивнул.

– Данилыч, – окликнул ректора МагУниверситета Мартин, – а что сказал Алмаз по поводу твоих видений? Удалось встретиться с ним?

– Мне иногда кажется, что Дед ставит на нас особо опасные эксперименты, – сказал Александр с веселой досадой. – Он накумарил меня до состояния овощной икры. И, пока я видел себя повелителем Вселенной и крутил шарик Туры на ладони, поковырялся в моем сознании. Кстати, Малыш, тебе стоит поговорить с ним на предмет его новых травок. В транс отправляют за две затяжки. Правда, руки-ноги отказывают и тела не чувствуешь, но зато сознание расширяют так, что возвращаться не хочется. И ощущения... экстатические.

– Да? – заинтересовался Март, наткнулся на суровый взгляд Вики, улыбнулся широко и поднял руки. – Я только попробовать, мамочка, клянусь.

– Я обойдусь, – буркнул Тротт. – Что Дед сказал по поводу войны?

– А что там говорить, – серьезно ответил Свидаерский. – Как только первый приход отпустил, видения снова полились. Чистенькие, яркие, просто загляденье. Танки против тха-охонгов. Провалы в земле, откуда они выползали. Захваченные города. Огромное войско... но какое-то из ранних веков, что ли. Алмазыч всё считал и выгнал меня. А, нет, перед этим пробубнил, что поговорит с коллегами из старшей когорты и чтобы мы не лезли в божественные замыслы, ибо Великим Стихиям вернее знать, как возвращать одного из них, и не человеческого это уровня дело.

– Если так, то почему же они раньше его не вернули? – ехидно поинтересовался фон Съедентент. – Или это невозможно – и раз они не могут, то мы и подавно?

– Я не успел спросить, – Алекс развел руками. – День потом отходил от Алмазовых травок.

– И что нам теперь делать? – расстроено спросила Виктория. – Искать камни, которые кровь богов? Упоминание о них?

– Угу, – мрачно подтвердил Март. – И если найдем и решим этот ребус – очень хорошо подумать, открывать проход или нет. Потому что мне, конечно, совсем не хочется лишаться силы и стареть. Но войны мне, наверное, не хочется больше.

И четверка магов вдруг в первый раз задумалась о том, что грядущий катаклизм принесет лично им. Старость. Нemoшь. И скорую – для тех, кто мог прожить еще столько же лет, – смерть.

Глава 4

Понедельник, 19 декабря, МагУниверситет

Алина

Алина Рудлог собиралась в университет почти торжественно. Аккуратно сложила в сумку форму, проверила кроссовки, дужки от очков – чтобы не слетели во время бега, – вздохнула. Последнюю неделю, после известия об уходе Поли в медвежью ипостась, она буквально заставляла себя посещать занятия, учить вопросы к зачетам и готовиться к экзаменам. А хотелось... хотелось на все это время запереться в спальне и лежать, ни о чем не думая.

Все казалось бессмысленным и ненужным. Спасал только Матвей – он буквально придавал ей сил. Каким-то чудом ухитрился готовиться к своей, предпоследней и очень сложной, сессии и одновременно звонить принцессе утром и вечером, подбадривать на переменах, выходить с ней гулять хотя бы на полчаса, когда она звала. И каждый раз после встречи с Алинки словно слетала привычная уже тяжесть, появлялись силы, даже в висках и ладонях покалывало от бодрости.

«Конечно, малявочка», – басил он в трубку и через десять минут открывал Зеркало в ее гостиную. Ни разу не отказал. Алина договорилась с Василиной о том, чтобы ему дали доступ, Зигфрид что-то поколдовал со щитами – и Матвей почти каждый день бывал у нее.

Семикурсник очень смущался из-за окружающего богатства, принцесса смотрела на обстановку его глазами и тоже ужасно стеснялась. И торопилась поскорее увести гулять. Потому что взгляд его тяжелел, и видно было, как неуютно он здесь себя чувствует.

Но с семьей Алина его познакомила. Василина приняла Ситникова радушно, проговорила: «Рада, что у сестры есть такой мужественный и верный друг». Матвей покраснел, но поклонился с таким достоинством, что Алинка потом целый день им гордилась. Марина оглядела «верного друга» с ног до головы, пожала ему руку и сказала, что теперь она спокойна: хоть один ребенок в семье под надежным присмотром. А Каролинка, забежавшая во время одного из посещений, открыла рот и просто потребовала у Матвея попозировать ей. Ситников качал головой, Каролина уговаривала его, заламывая руки и стреляя глазками, и получила-таки согласие.

«Только после сессии», – твердо сказал Матвей, и младшая Рудлог, удовлетворившись этим, отвела их двоих в королевский музей, где Ситников долго смотрел на удивительно похожего на него древнего воина, замахивающегося на кого-то мечом. А Алина глядела на них обоих и почти видела своего друга полуобнаженным, с таким же мечом, в бою, в стремительном развороте.

Ангелина днем пропадала в Теранови и Матвея не заставляла. И, наверное, Алинка была даже рада этому. Кто знает, что скажет старшая сестра о такой тесной дружбе между принцессой и хорошим, сильным, но простым Ситниковым?

Будильник на часах запиликал. Половина восьмого. Пора выходить. И Алинка, снова вздохнув, накинула пуховик и пошла к Зигфриду.

Зачет по физической культуре сегодня стоял четвертой парой, и она не могла не переживать: подтянуться положенные десять раз получилось только однажды. И в беге она все равно отставала. Зато остальное получалось неплохо.

Университет уже шумел, просыпаясь, из столовой пахло булочками и компотом; уборщица сердито замывала оставленные студентами грязные следы в холле. Алинка вежливо поздоровалась с ней, на цыпочках прошла по краю вымытого, прижимая к себе сумку с формой, и направилась к камням.

– Мне срочно нужен заряд бодрости, – грустно сказала она. – У меня плохое предчувствие. Не хочу вылететь. Я столько старалась!

– Козочка, только не рыдай, – тревожно прошамкал Ипполит. – Ежели не сдашь, мы за тебя отомстим, а? Сожжем все ведомости. Давненько чой-то я огнем не игралси...

– Или преподавателя памяти лишим, – голосом безумного маньяка предложил Аристарх из-за ее спины. – Или запрем в раздевалке и будем держать, пока не поставит зачет.

– Зря я вам детективы читала. – Принцесса укоризненно посмотрела на ничуть не пристыженных каменных диверсантов: от этих физиономий хотелось смеяться. – Не надо ничего делать. Просто скажите: «Алина, все будет хорошо».

– Будет, – подтвердил Аристарх.

– А если не будет, – провыл Ипполит, – то этот день запомнят надолго-о-о-о!

– Ну спасибо, – девушка сердито поправила очки. – Теперь я точно постараюсь сдать, только чтобы вы ничего не натворили. Ой! Опоздаю!

Заорали окружающие камни, сообщая о скором начале пары, и она бегом понеслась на второй этаж и через несколько минут с головой нырнула в учебу. А вынырнула уже тогда, когда нужно было идти в раздевалку и выходить на стадион.

* * *

Профессор Тротт появился в кабинете у Свицерского около двух часов дня. Ректор, разговаривая по телефону, сделал Максу знак подождать, и тот, взглянув на часы и поморщившись – пятнадцать минут, выделенные на обед, утекали, – раздраженно мотнул головой.

– Конечно, мы будем рады принять студентов из Пьентана на соревнования, – говорил Алекс в трубку. – У нас прекрасно оборудованный стадион и достаточно места, чтобы их разместить.

Свицерский усмехнулся, глядя на недовольное лицо друга, зажал трубку между ухом и плечом, наклонился и достал из ящика пачку сигарет и зажигалку.

– Две минуты, – проговорил он одними губами.

Макс поджал губы. Но сигареты, подумав, взял, пошел к окну, распахнул его и закурил. И глянул вниз.

Там, на беговой дорожке, стартовала группа студентов, и среди рванувшей вперед толпы он сразу нашел взглядом Богуславскую. Она мгновенно отстала, но бежала сосредоточенно,

довольно уверенно действуя руками, не глядя по сторонам, и косички ее мотылялись туда-сюда. Однако расстояние между ней и основной группой все увеличивалось.

Тротт выпустил дым, прислонился плечом к стеклу. Ее упорство его забавляло.

И кто дернул ее поднять голову и посмотреть на ректорскую башню? Девчонка мгновенно запнулась и полетела на дорожку, неаккуратно, наверняка стесав себе ладони до ссадин. Он хмыкнул и отвернулся. Бездарна.

– Не переживайте, уважаемый Той Дэ, – Алекс продолжал разговор, увещевая собеседника, как ребенка. – Мы в состоянии обеспечить привычное вашим студентам питание. Пришлите моему секретарю меню и ваши пожелания...

* * *

Алина торопливо подошла к преподавателю физической культуры. Ее одноклассники уже завершили забег, и, похоже, все сдали, кроме нее. Ладони жутко болели, но хотя бы ногу не подвернула. И на том спасибо.

– Пожалуйста, – жалобно попросила она, – Наталья Геннадьевна, разрешите мне снова бежать. Я споткнулась.

Тренер неохотно кивнула.

– Идите на старт, Богуславская.

Максимилиан Тротт

И она пошла. Но перед этим еще раз взглянула на башню ректора. Окно открыто, но никого там нет. Показалось? А если этот гад стоит там и наблюдает за ней? И насмехается?!

На старте Алина перевела дыхание, сосредоточилась. И по свистку понеслась вперед под дружные подбадривающие возгласы одноклассников. И как-то все пошло хорошо: и дыхание держалось ровно, и ноги будто сами собой ускорились, и дорожка ложилась под подошвы мягко, пружиняще. Она почти летела, будто у нее вдруг выросли длинные и быстрые ноги. И добежала-таки. Одноклассники свистели и кричали: «Молодец!» и «Давай, Алинка!!!»

– Ну? – с волнением спросила она преподавательницу. – Как? Сколько?

– Сдала, – удивленно сообщила та, и Алинка аж подпрыгнула от счастья. – Почти впритык, Богуславская. Но сдала. Умница!

Алинке стало стыдно: тренер явно радовалась за нее. Но Наталья Геннадьевна тут же построжела и добавила:

– Теперь давай отжимания и на турник.

Принцесса потерла влажные саднящие ладони о штаны и побрела туда, где уже начинали выстраиваться студенты для отжиманий.

* * *

– Время для медитаций тоже дадим, – успокаивающе говорил Алекс. Макс докурил, мрачно подумал, что обед ему сегодня уже не светит, – и потянулся за еще одной сигаретой. И снова пошел к окну. Как раз чтобы застать счастливо прыгающую рядом с преподавательницей Богуславскую.

Он выпускал дым, Алекс бубнил за спиной, то уговаривая, то обещая, и Макс с удовлетворением подумал, что к своему счастью отказывался от всех предложений возглавить то или иное учебное заведение. Потому как такого терпения у него точно никогда не было. И не будет.

Тем временем внизу юные спортсмены отжимались – и среди них, провисая корпусом и застывая на дрожащих руках, Богуславская, – кидали мячи, подтягивались. Когда-то и ему было непросто осилить двадцать движений на турнике, первую норму для парней. А сейчас предел мечтаний – пятьсот движений на пальцах левой руки. Тротт пошевелил плечами – рубашка натянулась, мышцы приятно заныли. Хорошо. Действительно хорошо.

Сигарета почти дотлела, когда к турнику на спортплощадке подошла очень упрямая принцесса. Он наблюдал за ней даже с каким-то азартом, смешившим его самого. И с первого же рывка вверх понял, что не осилит. Тело болталось, ноги она старалась держать прямо, а нужно было помогать ими, сгибая. Но девчонка упорно толкала себя наверх, касалась подбородком перекладины и валилась обратно, давая лишнюю нагрузку на мышцы. И перерывы между подъемами становились все больше. Вот сделала пятый... повисела... Шестой.

Он затаился и усмехнулся одними губами.

Седьмой. И повисла – Макс очень четко увидел капельки пота на ее затылке и то, как почти соскользнули с турника тонкие пальцы. Зажал сигарету губами, мгновенно экранировал преподавателя, выставил руки, прикрывая глаза и чувствуя, как далеко внизу он обхватывает ее за талию, – и потянул легкое тело вверх. Медленно, осторожно, чтобы не вызвать подозрений. Девчонка дернулась и замерла, послушно двигаясь к перекладине.

Раз. Другой. Третий.

Ну хотя бы ума хватило не завизжать.

Сигарета обожгла губы, и он с отвращением выкинул ее в окно. И отошел – в тот самый момент, когда принцесса спрыгнула на землю и начала растерянно оглядываться.

– Договорились. Ждем вас в феврале, уважаемый Той Дэ. – Свицерский завершил разговор, положил трубку и с наслаждением потянулся. – Кофе? – спросил он. – Правда, теперь я готовлю его сам – очень странно себя чувствую, когда напитки мне подает герцогиня.

– Зачем тогда брал? – сухо поинтересовался Макс. – Для красоты? Бумагами тоже сам занимаешься?

Ректор улыбнулся.

– Нет, с бумагами худо-бедно работает Екатерина. – Он достал из стола стопку документов, протянул Макс. – Подписывай, а я сделаю кофе. Или, может, пообедаешь со мной?

– Не нужно. – Тротт быстро просматривал документы. – Времени нет, Данилыч. Сейчас у меня лекция у первого курса по основам стихийных закономерностей, а до нее нужно еще вернуться домой, в лаборатории центрифуга на таймере стоит. И до вечера нужно по максимуму успеть с делами, а то завтра несколько часов выпадает: с утра студентов тренирую, потом зачет у первого курса.

– Мне иногда страшно за тебя, Малыш. – Алекс все же пошел к кофемашине, включил ее: вдруг успеет впихнуть в друга чашку? – Кажется, что однажды ты просто упадешь и умрешь от переутомления.

– Не умру, – буркнул Тротт, не поднимая взгляд от бумаг, – пока не закрою все долги, точно.

– Ну а поскольку ты тут же наберешь новых задач, – Свицерский поставил перед ним кофе, – то будешь жить вечно!

– Да будет так, – проворчал Макс, поколебался, но под насмешливым взглядом друга все же потянулся к чашке. Выпил в несколько глотков, дочитал, кивнул удовлетворенно, взял со стола ручку и быстро расписался там, где это было необходимо.

Но из кабинета Свицерского Тротт отправился домой не сразу. Он вышел из Зеркала на первом этаже университета, у настороженно воззрившихся на него каменов. Впрочем, настороженность эта имела явный оттенок глумливости.

– А чего мы видали... – забавно закатывая глаза, протянул Аристарх. Голос его эхом прокатился по пустому коридору – до окончания пары было еще минут сорок.

– Ну, сердце-то небось не камень, – поддержал его Ипполит, – прорвало девичьими страданиями-то. Чегой приклепал-та, малец? Будешь уговаривать, чтоб не раскрывали тебя? А что нам за это будет?

Камены захихикали.

– Пришел напомнить, что ей у меня еще экзамен сдавать, – сухо прервал веселье Макс. – Как бы ваша болтовня не навредила.

– От ведь парази-и-ит! – восхищенно и разочарованно простонал Аристарх. – От интриган!

– Злодеюшко! Шантажист! – подвывая, вторил ему Ипполит. – Нет чтобы поклониться, попросить слезно, так он угрожать!

– У меня нет на это времени, – привычно ответил Макс и открыл Зеркало. – Рад, что мы с вами друг друга поняли.

* * *

Принцесса Алина, получив выстраданный зачет и удивленную похвалу от тренера, устало поковыляла через стадион к раздевалке. Рядом с ней шли Ивар с Олегом, о чем-то болтая, но она слушала вполуха и отвечала невпопад. Периодически ее обгоняли другие одноклассники, радостные, шумные, поздравляли – и она смущенно и почти сердито улыбалась в ответ.

Болели содранные ладони, при падении она еще и что-то в боку, как оказалось, ухитрилась потянуть, что обнаружилось на отжиманиях – никак не принять было правильную позицию. И к турнику она подходила почти со слезами, не представляя, как сможет хотя бы висеть, не то что подтягиваться.

«Только у меня могло так получиться, – злилась она, – столько готовиться и споткнуться в самом начале».

Но ведь почти сумела, хоть и дергала ногами, и скособочилась, и шипела от жжения в ладонях! И уже готовилась просить пересдать с другой группой, но ей помогли. Точно помогли

– ощущение крепких рук на талии, с легкостью поднимающих ее вверх, Алинка запомнила очень хорошо. И кто?

После пары она первым делом побежала к камням. Вид у них был самый заговорщический, Ипполит вообще сделал вид, что спит.

– Признавайтесь, – потребовала принцесса, – вы помогли?

– Что помогли? – соорудив невинное лицо, спросил Аристарх.

– Да сдать зачет же! – сердито объяснила Алинка. – Вы?

– Так ты сдала? – фальшиво удивилась каменная морда. – Слышишь, Ипполит, сдал наш цыпленочек-то!

– А? Что? – сонно пробормотал второй заговорщик, но тут же ухмыльнулся под укоризненным взглядом принцессы. – Не, козочка, мы не помогали.

– А кто? – подозрительно спросила она и сощурилась, повернувшись к Аристарху.

– Не смотри так, – занервничал камен, – не знаем мы ничего.

– Спали мы! – гулко подтвердил Ипполит. – Ничего не видели. Ни как ты упала, ни как подтягивалась...

– Старикашка! – рявкнул Аристарх и тут же лъстиво обратился к Алинке: – Красотулька, может, ты сама сдала, а? Вошла в транс, открыла второе дыхание... Может, у тебя в роду берсеркеры были? Разозлилась и отмахала вверх-вниз в беспамятстве.

Алинка вздохнула: уже поняла, что ей ничего не расскажут.

– Нет, – ответила она расстроено, – не сама.

– Не обижайся, – залебезил камен. – Да какая разница, кто помог? Главное – отметка есть! Ты молодец!

Принцесса грустно улыбнулась и погладила друга по холодным бровям.

– В том-то и дело, что я не молодец, – сказала она. – И мне от этого плохо.

– Это ничего, – очень по-доброму и серьезно проговорил Аристарх. Сейчас он не кривлялся. – Сходи в столовую, скушай булочку и выбрось глупости из головы. Будет у тебя возможность еще проявить себя. Беги, малышка.

Идея была неплохой. Время до начала пары еще оставалось, и Алина быстро расцеловала друзей в гладкие мраморные щеки и пошагала за булочками. И там, запивая стресс чаем рядом с подошедшим Матвеем, поинтересовалась и у него: не является ли зачет его заслугой?

– Я бы помог, но ведь пара была, – объяснил Матвей. – Да и по описанию похоже на дальнюю проекцию. Не каждый сможет, Алин, тем более манипулировать крупным предметом на расстоянии... это очень сильным надо быть.

«Крупный предмет» вдруг покраснела и опустила глаза.

Пятой парой стояли основы стихийных закономерностей. И профессор Тротт в придачу. Алинка забилась на самый дальний ряд лектория и сверху подозрительно рассматривала инляндца. Сама не зная, чего ожидала: что тот взглянет на нее? И она сразу поймет: именно этот бесчувственный, как дерево, профессор, ей помог?

Больше ведь некому.

Но природник ни разу на нее не посмотрел. Сдержанно, очень четко читал лекцию, чертил на доске схемы, тут же приводил примеры, показывая на простейших заклинаниях взаимодействие тех или иных стихий. В руках его появлялись огненные шары, поднимаясь под потолок и расширяясь почти на всю аудиторию – пламя можно было потрогать руками, потому что оно было таким тонким, что не жгло, – а Тротт сухо обращал внимание на структуру устойчивого шара, на обратную связь объема и силы. Демонстрировал примитивную заморозку – и останавливал заклинание в полете, не давая ему коснуться учеников, и подсвечивал плетение для первокурсников, еще не умеющих видеть в спектрах. В какой-то момент происходящее стало напоминать фееричное цирковое представление, и Алинка так увлеклась, что все подозрительные мысли исчезли. Во всяком случае, до конца пары.

А в конце она задержалась. Встала у двери, пропустила однокурсников. Вдохнула, набираясь смелости, чтобы задать вопрос. Тротт наконец заметил ее.

– Вы что-то хотели, Богуславская? – спросил он неприязненно.

– Да... – смелость закончилась, и принцесса запнулась. – Я могу помочь вам вытереть доску, профессор.

– Вытирайте, – ответил он равнодушно и склонился над журналом, делая какие-то пометки. Алина помялась, подошла к доске и начала ее протирать. В оглушающей тишине лектория инляндец шуршал бумагами, а она краснела и ругала себя, сомневалась: а если спросит, а это не он, и только поставит себя в смешное положение? Собиралась с духом, открывала рот... и закрывала его. Спину ее периодически покалывало холодком, и волосы на затылке словно ветерком поднимало. Будто он поглядывал на нее. И очень хотелось обернуться.

За спиной раздались шаги, и Алинка сжалась, осознав вдруг, что происходящее ее почему-то очень пугает. И обернулась через несколько мгновений.

Но в лектории уже никого не было – только медленно истаявало в трех шагах от нее серебристое Зеркало.

Воскресенье–понедельник, Северные горы, граница Бермонта, Рудлога и Блакории

Наступала ночь с 18 на 19 декабря, начало трех дней почитания Извечной Смерти, Черного Жреца. Через три дня – самая длинная ночь года в Северном полушарии Туры, напоминающая людям, что мир принадлежит тьме и холоду. И в то же время дающая надежду: дни на изломе зимнего сезона поворачивали к лету, к теплу, жизни и урожаю.

В эти даты Вечного Ворона чествовали даже в храмах Рудлога – потому что божественная вражда враждой, а смерть была явлением, наглядно доказывающим могущество своего господина, вызывающим извечный страх и желание отсрочить ее. Сейчас по всей Туре взывали к милости бога, молчавшего долгие века, просили долгой жизни родным, короткой зимы и скорого прихода весны.

Давным-давно, две тысячи лет назад, когда почитание Великого Ворона было запрещено в Рудлоге волей беснующегося Огня, три дня до зимнего солнцестояния в храмах оглушающе молчали гонги и не возносились молитвы. И первый же год тишины выдался на диво холодным: снега и морозы захватили и сезон Белого, и сезон Желтого не только на северах, но и в южных районах Рудлога, в предгорьях Милокардер, и лишь с вступлением в силу Красного Воина, в июне, холод начал уходить. Неохотно, огрызаясь заморозками, ледяными дождями и градом.

И прокатился по стране страшный голод, память о котором до сих пор сохранялась в летописях и сказаниях. Сколько человек умерло от морозов и истощения, сколько детей не родилось! Но понадобилось еще несколько лет, чтобы Красный, ворча грозами и буйствуя вулканами, уступил, совладал со своим упрямством и дал священству в самые короткие дни года снова творить молитвы.

Следующий же год стал благословенным и изобильным. Тепло пришло раньше, чем обычно, и ветви деревьев ломались от плодов, и леса дали столько грибов и ягод, что хватило детям и внукам тех, кто собирал и сушил их, и колосья поспевали тяжелые, сытные, золотые.

Так велика была сила Черного, что даже в изгнании, силой только своего оставленного сердца, влиял он на сезоны.

Так и повелось в Рудлоге: в эти дни Красный Воин мрачно отступал и снова кланялся Черному, как когда-то давно и извечный его соперник кланялся Огню в дни летнего солнцестояния.

Под короткой солнечной дугой Мать-Вода укутывала Туру косыми снегопадами, проливая слезы у холодного трона в опустевших владениях мужа. И снова звала его, ожидая ответа. Но за все эти века он ответил только раз.

Маленькая богиня останется в тусклом высоком дворце до конца темного сезона. Будет проходить по длинным залам из узорчатого темного льда с окнами, выходящими в пугающую бесконечность Вселенной: звезды здесь сияли так близко, что, казалось, можно было потрогать их, а Луна и вовсе была рядом – хочешь, сходи, погуляй по серебристому песку с голубоватым отливом, полюбуйся, как откликается небесной красавице родная стихия, поднимаясь горбом над океанами и бесконечно двигаясь вокруг Туры.

Но богиня не оставит дворец, упорно выполняя роль жены при тени мужа. Будет любоваться занавесями из северного сияния, играть с ночными духами, вечно алчущими тепла, наводить в замке уют, растить среди льдов и мрака вечнозеленые сады и ложиться спать на то самое ложе, с которого ушел он на последнюю битву с Красным. И раз за разом прокручивать в голове уже случившееся и грядущее. И спрашивать себя: все ли она успела сделать к этому моменту? Все ли нити выплести, все ли судьбы столкнуть, расплачиваясь пребыванием в страдающих человеческих телах? Не ошиблась ли где? Не оступилась ли?

Теперь всё или почти всё зависело от тех, к появлению которых она так долго шла. И если они ее подведут – времени ткать новый узор не останется.

* * *

Этой ночью в заснеженную долину меж трех дымящихся вулканов, расположенную на границе Блатории, Бермонта и Рудлога, прибыли шесть человек. Неподалеку остывали доставившие их сюда длинные снегоходы, а люди, укутанные в теплую одежду, развели высокий костер – один из них был магом, и снег, и отсутствие топлива не стали для него преградой – и стояли вокруг, выжидая.

Старший из них, чуть сутуловатый, грузный, почти не двигался. Глаза его были закрыты, и он изредка поводил головой из стороны в сторону, словно прислушиваясь.

– Может ведь и не появиться сегодня? Или вдруг Брин не почует? – тихо спросил соседка один из собравшихся, самый молодой. Прошло уже семь часов с момента, когда они прибыли сюда, мороз всё крепчал, да звезды медленно кружились в черном холодном небе. И всё.

– Должен появиться, Дуглас, – не открывая глаз, проговорил старший, тот самый Брин. Говорил он терпеливо, словно повторял это уже много раз. – Не сегодня, так в следующие две ночи. Связь сегодня крепче, чем когда-либо, и мы в самом геоактивном месте континента. Я почувствую истончение пространства, усиление связи с Черным. Мы все почувствуем. Ждите.

И они продолжали ждать. Топтались вокруг созданного костра, чтобы согреться, вглядывались в тревожные, красные лица друг друга, подсвеченные пламенем, негромко переговаривались. Вот и небо уже посерело, затем и солнце взошло, и совершило свой низкий путь по небу, и во второй половине дня уже начали спускаться в долину сумерки, когда сутулый чародей вдруг повел носом и сорвавшимся голосом сказал:

– Есть! Справа, километрах в двух, начинается прорыв. Пошли!

Они не пошли – побежали за ним к снегоходам. Взревели аппараты, вызвав недовольное ворчание рыхлого снега на нижних склонах вулканов, и понеслись за указывающим путь Брином, а впереди, освещая путь, летел большой «светлячок», подогревая воздух и создавая тонкий коридор с туманными стенками.

Долетели за несколько минут – и спешили, наблюдая, как в серых сумерках раннего зимнего вечера оформляется и растет над толстым слоем снега крупный, в два человеческих роста, переливающийся шар перехода, заполненный клубящейся дымкой.

Было тихо. Только тяжелое дыхание приближающихся к пузырю людей да скрип подошв по плотному снегу нарушали эту тишину. Они подошли почти вплотную, когда шар чуть вытянулся, дрогнул и раскрылся огромным цветком, в котором продолжал стеной клубиться туман.

– Кровь, – торопливо потребовал старший, доставая из кармана маленький мешочек. Вытряхнул из него на ладонь камень, Лунный глаз, бывший недавно в коронационной подвеске королей Бермонта. Теперь, когда с него сняли серебро, выглядел он совсем непритязательно. Брин взял у одного из сообщников флакон с кровью Полины Рудлог, снял с него стазис – она оказалась еще теплой – и вылил на камень. В это же время самый молодой из них, Дуглас, морщась, резал себе запястье. И когда кровь потекла широкой лентой, тоже щедро окропил ею Лунный глаз.

Кровь впиталась в камень мгновенно, практически полностью, он нагрелся, стал тяжелее, и собравшиеся отчетливо увидели исходящее от него темно-фиолетовое, почти багровое пульсирующее свечение. Такое иногда вспыхивает в небесах отголосками далеких страшных гроз. На лицах людей царил страх вперемешку с восхищением.

А пожилой темный уже входил в зев открывшегося перехода. Встав вплотную к стене живого тумана, потрогал перегородку – она была упругой, пальцы не пропускала – и камнем, мокрым от крови, торопливо начал чертить на ней знак смерти, пустой шестиугольник. Линии вспыхивали призрачно-мертвенными всполохами, тянулись за рукой рисующего. Когда он закончил, знак продолжал светиться. И в центр его чародей приложил тяжелый горячий камень.

Знак налился чернотой, загудел – люди замерли в ожидании, – но он полыхнул раз, другой и медленно истаял. И вслед за ним начал таять и пространственный «цветок», закрывая переход в Нижний мир.

Старший повернулся к соратникам и мрачно качнул головой.

– Не вышло.

В наступившей отчаянной тишине вдруг захрипел и повалился на снег тот самый Дуглас, покатился, хватаясь за голову.

– Держите его! – крикнул Брин. – Руки к земле прижмите!

На бедолагу накинудись, растянули его по снегу – он выгибался с нечеловеческой силой, глаза его светились зеленью, и вокруг тела, пульсируя, уплотнялась темная дымка. Главный торопливо расстегнул куртку, вынул из внутреннего кармана флакон – его он носил с собой постоянно, на всякий случай, – и, разжав зубы воющему темному, вылил ему в рот содержимое склянки. И нажал на кадык, чтобы не выплюнул, проглотил.

Дуглас подергался еще с минуту, но движения его становились вялыми, спокойными, и наконец он погрузился в сон без сна, потеряв сознание.

– У нас есть четыре часа, чтобы доставить его на территорию храма Триединого, – резко сообщил старший. – Кто-то еще не может справиться? Орин? Пробивает тех, кто сильнее, как ты?

– Я продержусь, – сказал Орин, тяжело дыша. Их товарищи уже заводили снегоходы, двое тащили беспмятного Дугласа к транспорту. – Все же... ослабела грань, да?

– Я надеялся, что лопнет, – мрачно ответил Брин. – Но сам видишь. Либо красная кровь четвертой принцессы оказалась недостаточно сильна, либо живую ее надо... в таком случае вариантов два. Старшая Рудлог или третья. Королева под такой охраной, что не сдвинем.

– Либо необходимо ослаблять королей, – настойчиво произнес Орин. – Как и говорил Людвиг Рибер. Если бы Бермонт уступил корону слабейшему, то сил того не хватило бы, чтобы держать землю так, как Бермонт. А теперь что?

– А теперь у нас нет выбора, – хмурясь, проговорил старший. – Приходится признавать, что и Рибер, и Соболевский были правы. Нужно убирать держателей тронов. Тогда переход не

будет встречать сопротивления. И нужно пробовать повторить ритуал с более сильной кровью. До конца сезона есть еще время.

– А если дело в камне? – неуверенно спросил третий. – Если он потерял силу?

– Будем надеяться, не потерял, – буркнул Брин. – Ибо взять в жены кого-то из Рудлогов куда труднее, чем получить их кровь. Ближе всех был Фабиус. Но и ему не повезло. Знали бы мы тогда, что подвеска и есть искомый камень! Семь лет в Рудлоге не было королевы, и не было драконов, которые добавили миру устойчивости. Но что теперь говорить.

Они погрузились на снегоходы и уехали, оставив за собой истоптанный снег и пятна крови на нем же.

Понедельник, 19 декабря, вторая половина дня

Макс Тротт, аккуратно обрезающий зеленые крошечные шишки с прибывшей партии хвойного лапчатника, со стороны напоминал безумного садовника. В наушниках у него грохотал тяжелый рок, а выстроившиеся вокруг профессора горшки с маленькими елочками в стерильной лаборатории смотрелись диковато.

Макса вдруг затрясло – и он метнулся к шкафчику с репеллентом, но не успел, рухнул на пол. Внутри взорвался ослепительный дикий голод, разрядами сбежавший по рукам, – и сквозь зеленоватый туман, застилающий глаза, Тротт отчетливо увидел, как растения на столе и на полу скукоживаются, мгновенно увядают и скручиваются, словно сгоревшая бумага. Тело изгибалось, отказываясь подчиняться, – инляндец, пытаюсь справиться с заполняющей разум жадной силой, приложился затылком о пол. Боль отрезвила, позволила перехватить контроль, и Макс, тяжело дыша, на четвереньках дополз до шкафчика, распахнул дверцы, роняя содержимое, дотянулся до импликанта, набрал в него репеллент и проявитель. Рванул с плеч рубашку и трясущимися руками выбил защищающие знаки на обоих предплечьях.

Он еще долго сидел, прислонившись спиной к шкафу и приходя в себя. И только почувствовав, что отпустило, осторожно вышел в гостиную, сел на диван и зажал раскалывающуюся голову ладонями.

Тело было мокрым от напряжения и страха. Под пальцами было влажно. Наверное, разбил голову. Но сил не осталось даже посмотреть.

В шкафу, прямо рядом с репеллентом, он хранил яд, который мог убить его мгновенно. И, кажется, время пришло.

Потому что, если бы это произошло, когда рядом были студенты, – это означало бы смерть для них. А если бы рядом оказался Мартин? Или Алекс? Они бы, возможно, отбились. А вот Виктория – нет.

Макс сидел, уставившись на дверь лаборатории, и собирался с духом. Когда-то ему казалось, что он легко сможет оградить мир от себя.

Сейчас же он понял, что отчаянно, до крика хочет жить. Учиться у Четери. Встречаться с друзьями. Заниматься делами. Открывать новое и быть на две головы выше остальных ученых в этой области. Учить увальней-студентов. Читать раздражающие лекции для глупых и бесперспективных первокурсников. И первокурсниц.

Инляндец встал и, пошатываясь, пошел в лабораторию. Оглядел дело рук своих, поморщился. Открыл шкафчик и выбил на своих плечах еще два знака – поверх недавних. Затем залечил разбитую голову, выпил, наверное, литра два молока и отправился к тому единственному, кто мог поставить ему мозги на место.

Четери, несмотря на то что в Песках время уже близилось к ночи, был занят – решал какие-то городские дела, – и Макс тихо присел на мозаичную лавку и терпеливо ждал, пока дракон освободится. Выглянувшая во двор Светлана удивленно помахала ему рукой, знаками показав, что тоже занята, и убежала.

Но через пару минут во двор вышла служанка с молоком, ароматным травяным чаем и скромными закусками. Выставила это все на столик перед Троттом, на плохом рудложском спросила, нужно ли господину еще что-то, и, когда он покачал головой, с сожалением удалилась.

Здесь было хорошо, и страх отступал перед щебетом поющих птиц и плеском фонтана, перед темным и теплым южным вечером, гомоном людей за воротами, обилием цветочных запахов и порхающими туда-сюда огромными бабочками. Перед вкусной пищей, наконец, – Макс сам не заметил, как кусочек за кусочком съел огромную лепешку с медом, уничтожил теплое ароматное мясо в травах и лениво, чувствуя уже сытость, доел сочную ореховую баклаву.

Прошедшая паника в конце этого пиршества в одиночку показалась постыдной. И он хотел уже уйти, чтобы не беспокоить Чета по пустякам, когда тот появился во дворе. Подошел, внимательно осмотрел, покачал головой.

– Что привело тебя сюда без моего зова, Макс?

Тротт молчал – стыдно было признаваться в слабости. Но под серьезным взглядом зеленых глаз все же начал говорить.

– Помнишь, ты обещал убить меня, если я сойду с ума, Четери?

– Я не забываю такого, – спокойно отозвался дракон, подцепляя уцелевший кусочек баклавы и отправляя его в рот. – Пришел за смертью?

– А если я скажу, что да? – Макс искоса взглянул на учителя.

– Скажу, что ты сидишь рядом, и говоришь со мной, и так же разумен, как накануне, ученик, – Чет усмехнулся. – Говори.

– Сегодня я не справился с собой, – четко выговаривая слова и глядя в глаза дракону, сказал Макс. – Выпил жизнь из растений. Если бы рядом был человек, я бы убил человека. А испив одного, не остановился бы. Я чувствую, что-то происходит, Мастер. Мне все чаще приходится использовать репеллент, и я боюсь, что однажды его не хватит. И я погружусь в безумие.

Четери молча смотрел на льющийся фонтан.

– Я знаю, что такое безумие, – наконец проговорил он. – Это случается, если у тебя нет якорей в этом мире. И если воля твоя слаба. Повторю, ученик. Ты сидишь рядом, говоришь со мной, ты спокоен, в твоей ауре – лишь шлейф старого страха. Тебе ли с твоей силой контроля волноваться? Просто прими, что для тебя нет невозможного. Ты всегда сможешь остановить себя. Сегодня ты получил урок, получил знание, которым воспользуешься в следующий раз, как только почувствуешь признаки надвигающегося приступа. Помни об этом. И не сомневайся; сомнения – причина поражений. А сейчас, – Мастер вскочил, покрутил плечами, – раз ты пришел, снимай рубашку. Пять минут, и я выгоню из тебя сомнения вместе с потом и кровью.

* * *

Не только профессору Тротту было плохо. Алина Рудлог, готовящаяся к зачету, почувствовала слабость. Заслезилась глаза, заныл живот – но она упорно повторила всё по вопросам, еще ухитрилась выцепить Зигфрида и пройти с ним по основным моментам курса, несмотря на то, что пришлось даже отказаться от ужина из-за подташнивания.

«Точно перезанималась, – грустно думала она, – или отхожу от напряжения последних дней. Или завтрашнего... боюсь».

Спать она пошла, шатаясь от слабости, и заснула мгновенно, даже не открыв книжку, чтобы почитать перед сном.

А ближе к утру принцесса проснулась от ноющей боли внизу живота. Мышцы крутило, и она повернулась на бок, засунула руки между ног и застонала.

А через некоторое время почувствовала, как у нее горячо и влажно между бедер.

Алина, кое-как разогнувшись, нацепила очки, включила ночник и устала на свои пальцы.

На них была кровь.

Она лихорадочно стянула с себя пижамные штаны, стала осматриваться: где могла пораниться? Было очень страшно. И только через несколько минут принцесса сообразила, в чем дело. Пометалась по комнате, накинула халат и понеслась мимо неспящих гвардейцев в Маринину комнату.

В гостиной сестры на нее лениво тявкнул Бобби, и Алинка тихо прошла в спальню. Марина спала, прижав кулачки к шее, и очень стыдно было ее будить, но надо же что-то делать!

– Мариш, – отчаянно прошептала Алинка, – Марин! Проснись!

– А? – Марина открыла глаза, недоуменно уставилась на Алинку. – Ребенок, ты чего? Кошмар приснился? Забирайся ко мне под бок, только дай доспать, умоляю.

– Да нет! – волнуясь, выпалила Алина. – Марина, мне помощь нужна! У меня это, кажется, цикл начался!

– Ну поздравляю, – сонно сказала сестра и села, включая ночник. Волосы ее торчали во все стороны, и одета она была в коротенькую маечку и шортики. – Теперь ты совсем большая. Ликбез нужен? Ну, почему все это происходит и какие процессы запускает в организме?

– Я об этом в пять лет прочитала, – проворчала Алина.

– Ну тогда чего ты паникуешь? Регулы – это не страшно, Алиш.

Марина зевнула и потянулась.

– О, у тебя новая татуировка? – заинтересованно спросила Алинка. Марина смущенно прикрылась рукой.

– Потом покажу. Еще воспалена немного. Ты зачем разбудила-то меня? Я, конечно, польщена, что первой узнала о такой новости...

Алина покраснела.

– Мне бы чего-то, Марин... Я ведь не разбираюсь, и нет у меня!

Марина некоторое время, что-то соображая, смотрела на нее. Потом взгляд ее просветлел, и она потрясла головой.

– Сестра у тебя – дуреха, – сказала она с чувством. – Пойдем, проведу инструктаж. Живот болит?

– Болит, – буркнула Алина.

Марина наклонилась, порылась в тумбочке.

– Вот тебе обезболивающее. Проходи в ванную, девушка. Буду тебя учить страшным женским премудростям. А потом, – она взглянула на часы, – постараемся все-таки поспать. Еще два часа точно есть. А ты привыкай быть взрослой, ребенок, – она хмыкнула и потрепала Алинку по голове. – Хотя какой ты теперь ребенок, раз ты уже своих детей иметь можешь.

После всех треволнений пятая принцесса не пошла к себе. Растянулась рядом с сестрой, укуталась в теплое одеяло – боль в животе отпустила, и заснула она почти мгновенно.

И снилось ей, что рядом – солнце, и она, маленькая, голодная и холодная, протягивает к нему руки, чтобы вобрать этот свет, согреться, – и лучи мягко впиваются в кожу, делая принцессу легкой и счастливой. От света этого щекотно в животе и радостно на душе. Она пьет и пьет его – и внутри, откуда-то из древних глубин подсознания поднимается понимание, что нельзя больше. Хватит. И еще мамин голос: «Алина, нельзя жадничать! Ты же принцесса Рудлог!»

И она пристыженно отходит от солнышка. Внутри нее теперь тоже горячо и тепло, и она смотрит на свой живот и понимает, что в ней есть свое солнце. И она всегда может согреться им.

Алина недовольно повернулась к сестре спиной, накрылась с головой и засопела. Ее голод лениво ворчал, затихая, и, кажется, тоже задремал где-то внутри. Больше она его не ощущала.

С утра пятая принцесса подскочила бодрой, как воробушек весной. Рядом потягивалась Марина. Сонно улыбнулась сестре.

– Полегчало?

– Ага. – Алинка включила свет, потянулась к очкам, надела их – и вокруг все странно поплыло. Сняла, с возмущением оглядела линзы, потеряла их рукавом. Снова надела.

Марина врубила радио – сразу ударило по ушам ритмами, понеслась бойкая музыка – и, подтанцовывая, подошла к зеркалу расчесаться. Открыла большие золотые часы – Алина в ступоре четко увидела и мелкие камешки в них, и стрелки, показывающие половину седьмого. Марина хмыкнула и нарочито небрежно швырнула их в ящик стола. И только потом заметила, что младшая сестра застыла у выключателя с очками в руках, и губы у нее дрожат.

– Алиш, ты чего? – испуганно спросила третья принцесса. Подошла, заглянула в глаза, уверенно взяла за руку, отсчитывая пульс. – Болит что-то? Помощь нужна? Ты только в обморок не падай!

– Марин, – слабо и жалобно сказала Алинка, – я вижу без очков. Я, честное слово, всё вижу!

Она дернулась в сторону, подбежала к окну и уставилась в парк.

– Далеко вижу, хоть и темно! – возбужденно крикнула она и повернулась, поднесла к лицу руку. – И близко!!! Марина!!!

И расплакалась. Эмоции захлестывали неожиданно ярко, хотелось и плакать, и смеяться одновременно.

– Чудесный ты ребенок, – чуть ворчливо и радостно проговорила старшая сестра. Алинка всхлипывала и вертелась вокруг себя – рассматривала все вокруг. – А рыдать-то зачем? Это же счастье! Хотя понятно, гормоны. Добро пожаловать в трудный женский мир неустойчивой психики, Алиш.

Алинка улыбнулась сквозь слезы, махнула рукой:

– Ну чего ты ворчишь?

– Это я от радости. – Старшая сестра подошла, чтобы обнять. – Интересно, это на тебя начало цикла подействовало? Не припомню, чтобы у кого-то из семьи такое бывало. Эх... мне бы подобный подарочек в компенсацию за страдания. Проснулась в тринадцать, а у меня не только сыпь на лице, но и грудь выросла за ночь. Или хотя бы ноги.

Алина хихикнула, уткнувшись сестре в плечо, затем отстранилась и очень серьезно заверила:

– Ты очень красивая, Марин, ты просто не представляешь, какая красивая.

– И ты, красноносая моя. – Третья Рудлог легко щелкнула Алинку по оному носу. – И сейчас, а уж когда вернется твоя внешность, то, уверена, будешь диво как хороша. Боги, к счастью, не обделили нас красотой, – она хмыкнула. – Вот ума, думается мне иногда, недодали. Мне – так точно. Беги, собирайся. Очки не выбрасывай – отдашь потом в семейный музей!

Завтрак прошел в том же радостном возбуждении – из-за присутствующих мужчин Алинка постеснялась говорить все, но зато обретенным зрением похвасталась вволю. И эта вспышка радости словно немного развеяла уныние, в котором пребывала семья после свадьбы Поли. Даже Ангелина улыбалась, глядя на пятую Рудлог, а Василина так вовсе растрогалась, став, несмотря на строгий костюм и прическу – сегодня был какой-то важный выезд, – совсем простой и домашней. Только что не причитала от счастья, приложив руку к щеке.

И о том, что сегодня зачет у профессора Тротта, Алина Рудлог вспомнила, только когда привычно проверяла рюкзачок перед выходом. И в Зеркало из кабинета Кляйншвитцера она ступила с высоко поднятой головой – как будто шла в клетку с тигром.

* * *

Профессор же, напротив, с утра был мрачен как никогда. Убрал погибшие растения из лаборатории, потренировал семикурсников в спортзале – те уже научились определять, когда он в настроении согнать с них семь потов, и занятие провели в молчании и сосредоточенности, что не уберегло, впрочем, от едких замечаний и синяков. Позанимался сам, с неудовольствием думая, что, видимо, придется вкатывать себе мышечный стимулятор, чтобы не терять времени на укрепление левой руки. На всякий случай, перед тем как отправиться в университет, выключил свет в гостиной, сел на диван и прикрыл глаза, вслушиваясь в себя: не покалывает ли где-то внутри сосущее чувство будущего приступа?

Но репеллент действовал. И Макс снова всё контролировал.

В коридоре уже толпились студенты первого курса. Поздоровались нестройным хором, настороженно уставились на него. На экзекуцию отводились первые две пары, но он планировал управиться быстрее.

– Заходим по одному, – сухо сказал Тротт в наступившей тишине. – Чтобы не терять времени, тянем билет и сразу отвечаем. Если знаете, как положено, вспоминать нет нужды. Пересдача через куратора, я даю одну возможность.

От молодых людей и девушек плеснуло паникой, растерянностью, страхом – но он, не обращая на это внимания, повернулся и зашел в аудиторию.

Следующие два часа инляндец скучал. Уже по глазам входящего студента было видно, сдаст он или нет. И достаточно было нескольких первых слов, чтобы понять уровень его знаний. К тому же Макс всех помнил по лекциям и семинарам и, помимо основного билета, спрашивал по темам, в которых отвечающие провисали по ходу обучения.

В ведомости, лежащей перед ним, одна за другой появлялись отметки «незачет», разбавляемые редкими «зачтено». И не подкупали его ни дрожащие губы очередного студизуса, ни глаза, полные отчаяния, ни просьбы задать еще вопрос, ни уверения, что «честное слово, учил, забыл, профессор, пожалуйста, дайте подумать!».

В бою и в экстремальной ситуации времени подумать никто не даст. Зато к пересдаче все от зубов отлетать будет. И страх исключения только поможет материалу закрепиться в голове. А если в намеренно жестких условиях, в которые он их поставил, рука не дрогнет при плетении связки по заданной формуле и стресс не мешает действовать быстро – значит, действительно научил как полагается.

Студенты менялись, пустая аудитория эхом отражала голоса сдающих, в помещении накапливалась хаотичная энергия от многих десятков попыток колдовать, за дверями стоял шум, который с каждым вышедшим набирал силу – и затихал. В коридоре пустело, прошедшие испытание первокурсники разбредались кто куда.

Наконец ведомость была заполнена. Двадцать сдавших – неплохо. Очень даже неплохо.

Макс расписался в документах и уже встал, когда в дверь постучали, и в аудиторию заглянула покрасневшая Богуславская. Без очков, прижимающая к себе какую-то бумажку, как щит. На лице ее была написана решимость, да и вообще вид она имела отчаянный.

– Доска чистая, – сказал он едко, и студентка, набиравшая воздух, чтобы что-то выпалить, задохнулась, недоуменно посмотрела на него, на упомянутую доску. И тут же собралась.

– Я не за этим, профессор Тротт. Я сдать зачет по магмоделям.

– Вы же не посещали занятия, – ответил он ровно, приставляя стул к столу.

– В уставе университета, – голос ее звенел так громко и торжествующе, что он поморщился и потер висок пальцами, – профессор, сказано, что обучающийся может самостоятельно пройти программу и сдать зачет. Я еще в пятницу подписала у куратора заявление. – Она подо-

шла и положила перед ним на стол лист, и Макс посмотрел на него с таким омерзением, будто это был грязный ботинок. – Мне выдали индивидуальную ведомость. Профессор.

Последнее прозвучало как «Вот так-то, профессор!!!».

Она наконец-то замолчала и перевела дыхание. Макс посмотрел на ее руки – пальцы подрагивали, – на лицо. Без очков она выглядела непривычно. Опять часто моргала, словно готовилась расплакаться, и он с раздражением подумал, как ему все это надоело. Нет, никакого преподавания в следующем году.

– Вам заняться нечем, Богуславская? – спросил он недовольно. – Или вы выбрали способ добиться исключения из университета? Можно сделать это, не тратя мое время.

– Вы обязаны принять у меня зачет, – отчеканила она дрожащим голосом.

– Обязан так обязан, – согласился Тротт с ледяным спокойствием. – Но если я увижу слезы, Богуславская, сразу же поставлю вам незачет. Понятно?

От нее вдруг полыхнуло теплом, даже жаром – он аж пошатнулся, – и девчонка почти прорычала в ответ – столько злости было в ее голосе:

– Понятно!

И осеклась тревожно, виновато, с удивлением посмотрев на свои сжавшиеся кулаки.

Макс молча отступил от нее на пару шагов. Всмотрелся. Там, где раньше было серое мельтешение, полыхало яркое, почти белое пламя Рудлогов. За ним даже видно ничего не было. Полыхало ослепительно и вкусно – у Тротта аж во рту пересохло, и он мгновенно опустил на себя несколько щитов и только после этого смог набрать в легкие воздух.

Вот как выглядит новорожденный первозданный огонь, оказывается.

Клетка ауры, ярко-алая, переливающаяся текучим огнем, поднималась высоко, выше потолка аудитории, и под ней медленно, как тонкие хлопья пепла над костром, двигались вверх родовые знаки. В области матки пламя набирало мощь, интенсивность и казалось почти синеватым. Видимый ранее слабенький магический дар за этим сиянием просто не был заметен.

Он моргнул и вернулся к привычному зрению. Принцесса смотрела на него с настороженностью.

– У вас проснулась родовая магия? – спросил Макс с почти хищным любопытством и бестактностью исследователя. – Что это спровоцировало? Есть отличия в ощущениях?

Алина удивленно посмотрела на него и покраснела.

– Извините, п-профессор, это мое личное дело. И семейный секрет. Я не могу об этом рассказывать.

Он хмурился, разглядывая ее, сопоставлял. Ну конечно же. Нашел о чем спрашивать. Снова потер пальцами висок и отодвинул стул. Сел.

– Я даю вам последнюю возможность передумать, Богуславская.

Она грустно качнула головой.

– Профессор Тротт... не могу. Я должна. Теперь – тем более. Это ведь вы вчера помогли мне с физкультурой?

– Что за чушь взбрела вам в голову? – поинтересовался он ледяным тоном.

– Вы! – сказала она упрямо, заглядывая ему в глаза. – Больше никому! Я бы не сдала сама. Зачем?

– Алина, – процедил он, – вы слишком хорошего обо мне мнения. Кто бы вам ни помог, я искренне об этом жалею. Вы удивительно навязчивы.

Она еще пару секунд всматривалась в него, затем моргнула, насупилась и отвернулась. Неловко завопилась, в тишине стягивая со спины рюкзак, села за первую парту, оперлась локтями о столешницу и подняла на него серьезные зеленые глаза.

– Задавайте вопросы, профессор. Я готова.

Он гонял ее по курсу так, будто мстил за свою слабость. На пределе сил, видя, как она бледнеет, и не останавливаясь. Задавал сложнейшие формулы и с насмешкой смотрел, как

усердно она, не поднимая на него глаз, закусив губу, шевелит неловкими пальцами, создавая плетения. Через десять минут Богуславская поднялась – рукам не хватало пространства. Над губой проступили капельки пота – она слизнула их, сняла жакет и, прикрыв глаза, продолжила рисовать нужные рисунки, задействуя нужные нити, и даже ногой притоптывала, словно задавая ритм движению рук. Натягивалась белая плотная блузка на груди, когда девчонка отводила руку в сторону – слишком размашисто, как все только осваивающие плетения. Короткая юбка колыхалась, обнажая колени, и ритм каблучка Макса просто завораживал. До смеха и изумления – такой техники он еще нигде не видел. Вот что значит самоучка. Самоучки – те самые новаторы, которые нарушают каноны и изменяют науку.

Инляндец так увлекся, что сам снял пиджак, двигал руками, требуя повторять за собой и с любопытством ожидая: сможет? Нет? Спрашивал определения и велел выводить решетки и вязи, хмыкал, когда она задумывалась, морщился, когда поглядывала на него почти умоляюще. Веснушки на бледной коже стали ярче, и пряди прилипли к вискам, а он всё не останавливался.

И, конечно, она ошиблась. Не могла не ошибиться. Вздохнула, опустила дрожащие руки и как-то тускло посмотрела на него.

– Я приду на пересдачу, профессор.

Он, поморщившись, поставил отметку в ведомость, передал ей.

– Что у вас с глазами?

– Зрение восстановилось, – устало ответила принцесса. – Сегодня.

– Понятно. – Макс встал, взял пиджак.

– Профессор, – тихо и немного испуганно позвала она и осторожно коснулась его плеча. – У вас кровь.

Он посмотрел на ее напряженное бледное лицо и только потом – на свою руку. Там, под ее пальцами, на месте вчерашней импликации по рубашке расплывалось красное пятно. Жар снова стал пульсацией пробивать его щиты – Макс сглотнул, отступил, и теплая ладонь скользнула по плечу и упала вниз.

– Ничего страшного, – сухо ответил он. – До свидания, Богуславская.

Алинка подождала, пока Тротт уйдет в Зеркало, присела на парту и опустила голову. Устала невозможно. Даже злиться и плакать сил не было.

И только на выходе из аудитории, взглянув на ведомость, она увидела, что там ровным острым почерком написано «зачтено».

* * *

Камены встретили ее с оживлением.

– Птенчик, да ты молодец! – заорал Ипполит на весь коридор. – Утерла нос паразиту энтому!

– Показала, что неча малявок задирать! – поддержал его Аристарх.

Алина рассеянно улыбалась, поглаживая Аристарха по лбу. Он смешно крутил носом.

– Тяжело было? – заговорщическим тоном спросил Аристарх.

– Да нет, – со вздохом призналась Алина. – Интересно.

– Интересно ей, – недовольно пробурчал Аристарх и клацнул каменными зубами. – Любите вы, девки, злыдней разных. Валил ведь он тебя, ой валил!

– Мы уж думали снова воспитательные меры применять, – прошамкал Ипполит грозно.

– Это какие такие воспитательные меры? – строго поинтересовалась Алина.

– Да заговаривается он, – заюлил Аристарх и тут же сменил тему: – А ты, козюлочка, нам рассказать ничего не хочешь? Например, что это у тебя с аурой, что аж меня прошибает?

Алина покраснела и по привычке дернулась поправить очки.

– Да-да, – обиженно проворчал Ипполит, – и почемусь энто ты без очков? И что энто ты нам раньше не сказала? Мы все ждем, ждем, пока признаешься... у ректора нашего подслушали еще когда...

По коридору ходили студенты, и Алинка взмолилась шепотом:

– Тише!

Камены насупились.

– Не ругайтесь, – попросила принцесса и погладила Аристарха по лбу, – мне же тут не дадут спокойно учиться, если я скажу, кто я.

– Это да, – пробормотал еще насупленный Аристарх. – Вот ведь диво.

– А папка-то у тебя кто? – заорал Ипполит, воспользовавшись тем, что коридор на время опустел. – Что там вторым тоном-то полыхает?

– Что полыхает? – удивилась Алина.

– Так ведь...

– Полик! – рявкнул Аристарх. – Глаза настрой! Полыхает там у него!

Принцесса с подозрением смотрела на друзей.

– Ты иди, покушай, малышка, – льстиво проговорил Аристарх. – Восстанови силы. Выпил все аспид этот.

– Что вы там увидели? – Алина не обратила на его слова внимания.

– Полик! – предупреждающим тоном рявкнул Аристарх.

– Да ничего, – заныл Ипполит, – старенький я, показалось мне.

– Что показалось? – не отступала Алинка с похвальной въедливостью, и, будь у камня ноги, он бы предпочел сбежать. Но ног не было, и он решил сделать вид, что заснул. Захрапел очень натурально, даже рот приоткрыл. Принцесса покачала головой и повернулась к Аристарху, вопросительно подняв брови.

– Что ж ты дотошная такая, – пробурчал хранитель университета. – У тебя в ауре не только красные родовые знаки видны.

– А какие?

– Да разные, – протянул Аристарх, – сколько твоих предков из разных домов жен-мужей брали? Вот и отсвечивают.

Алина с сомнением глядела на него, он отвечал честным взглядом.

– Булочки сегодня вкусные-е-е, – напомнил камен, – и кавалер там твой уже сидит, место греет. Он хоть и громадный, но правильный, не то что злодеи всякие. Так что беги, радуй великана своего.

Принцесса вздохнула и побрела в сторону столовой. В коридоре некоторое время висело молчание. И хорошо, что не слышала она последовавший разговор.

– Да уж, – пробормотал открывший глаза Ипполит, – что делается-то, Арик, что делается-то! И прятать ведь не умеет еще...

– Оно само получится, болтун ты эдакий, – беззлобно пожурил его каменный коллега.

– Да я думал, она знает, – попытался оправдаться старый хранитель. – Папка-то непростой.

– Папка у ней, – менторским тоном сказал Аристарх, – муж королевы. А ты про темных в консортах слыхал? Вот то-то же. Думалку включай, каменная башка, прежде чем болтать, – сколько раз говорил!

Глава 5

Среда, 21 декабря, Бермонт

емьян Бермонт спешно наверстывал дела, накопившиеся в его отсутствие. График оказался жестким, на сантименты времени не было. И если подчиненные и раньше знали, что король сух, требователен и жёсток, то сейчас он часто замечал в их глазах не просто опасение – откровенный страх. Что он сорвется и порвет кого-нибудь.

В глаза ему осмеливались смотреть лишь матушка да Свенсен с Леверхофтом – и еще жена Хиля, Тарья, которая, видимо, была абсолютно уверена, что муж ее защитит от кого угодно – и от короля тоже. А еще она его откровенно жалела. И даже когда уехала в их со Свенсеном дом, с пониманием выносила долгое отсутствие мужа, которого излеченный монарх втянул в свой ритм, как и других подчиненных.

Демьян видел этот страх, чувствовал его запах – и усилием воли возвращал себя в прежнее равновесное состояние. А раздражающих элементов было много.

В замок Бермонт стали приезжать младшие дети линдморов, а за неимением оных – племянники и внуки. И подавляющее большинство из них составляли юные прекрасные девы.

Прибывающих быстро распределяли: прекрасных дев – на помощь замковому лекарю и в королевский госпиталь, в приюты и на уход за стариками Ренсинфорса, молодых людей – в гвардейское подразделение. Там за три-четыре года муштры и общения со взрослыми товарищами мозги встанут на место. Школьников – в королевский пансион на обучение.

А младенцами и их матерями занялась леди Редьяла. Демьян не возражал. Боги не дали матушке больше детей, да и внуков теперь она могла не дожидаться. И он знал, что она прекрасно понимает: как бы ни были великолепны молоденькие берманки, съезжавшиеся в замок и наполнявшие его призывным юным женским запахом, нет и не будет у него никого, кроме Полины. Зато малыши – совсем еще младенцы, не отнятые от материнской груди, и постарше, лепечущие что-то или носящиеся по замку, – очевидно вызывали в ней острое щемящее чувство. Женщины жались к леди Редьяле в поисках защиты от страшного короля, и она даже ожила немного, успевая и решать их вопросы, и проводить время с Полиной, когда сын был занят. Даже начала оборачиваться в медведицу, хотя давно этого не делала. С того дня, как погиб ее муж, отец Демьяна.

– На что они рассчитывают? – хмуро спросил Свенсен после очередного представления прибывших, когда партия заложниц самого цветущего возраста вышла из зала. Вид девы имели

откровенно жалкий и испуганный. – Что твое сердце дрогнет от взгляда на этих трясущихся от страха невест, ты забудешь свою медведицу и смягчишь приговор?

На что они рассчитывают, король Бермонта осязаемо понял вчера ночью. Он только-только заглянул к себе после неприятного и тяжелого дня, чтобы принять душ. А когда вышел – обнаженный, влажный, взбодрившийся ледяной водой, – обнаружил у кровати стоящую на коленях дочь Ольрена Ровента.

Девушка была прикрыта только волосами и голову склонила, как надо, чтобы пробудить в звере желание от покорной самки, и пахло от нее будоражаще – она как раз входила в пору, и пробивались уже нотки крови, щедро замешанные на страхе.

– Что тебе нужно? – спросил он, подавляя желание схватить ее за волосы и выкинуть в коридор так, голышом, в назидание другим. Отвернулся, налил из кувшина воды в стакан и выпил – только чтобы успокоиться.

– Вы, мой король, – тихо и робко ответила она.

Демьян усмехнулся, не поворачиваясь.

– За отца пришла просить?

Не осознав, что ей дают возможность уйти, девушка встала и подошла к нему сзади. Прислонилась, потерлась умело – мужчины у нее уже, очевидно, были. И он едва сдержал рык, сжал стакан рукой с выскользнувшими когтями, вдохнул, чтобы унять красное бешенство, плеснувшее в глаза.

– Если вы можете оказать такую милость, господин мой, – сказала она уже уверенней и потянулась поцеловать его в плечо. И тут же взвизгнула, засучила ногами – он рыкнул, развернулся и сжал ей горло.

Он не убил ее только потому, что она не подняла глаз и не пискнула даже. Задыхалась, плакала беззвучно, но не смотрела на него – и Демьян медленно разжал пальцы, напоминая себе, что это женщина, а не враг. И даже если ее научили, а не сама по своей глупости решила действовать, не стоит мстить ей за предательство отца.

– Одевайся и уходи, – очень ровно и внятно проговорил Бермонт. Подождал, пока несчастная торопливо собрала одежду и выскочила в коридор. Вышел вслед за ней.

– Как пропустили? – сухо спросил у охранников, побледневших при виде короля и, видимо, что-то сообразивших.

– Она сказала, что от леди Редьялы, – ответил старший. – Виноваты, ваше величество.

– После дежурства доложить Свенсену, пусть определит вам взыскание, – так же ровно сказал король. – Ко мне не пускать никого, кроме матери.

Гвардейцы понятиливо склонили головы. И он осознал, что его сдержанности опасаются больше, чем гнева.

Вернувшись в покои, Демьян распахнул окна, чтобы выветрить навязчивый женский запах, и снова пошел в душ. А потом – во внутренний двор, ночевать рядом с Полиной.

Пол окрепла, уже вставала и бродила по лесочку внутреннего двора, но все равно много спала и не откликалась на его зов и уговоры. Мужа она пугалась, тяжело убегала за деревья и пряталась там, и он привык оборачиваться подальше от нее – во второй ипостаси он явно был приятнее жене, чем в человеческой. А она ему была нужна любой. Только живой.

Нынешний разговор со Свенсеном всколыхнул в нем воспоминания о прошлом вечере. Подобное стоило пресечь раз и навсегда.

– А на что рассчитывают те, кто присылает мне в залог жен с младенцами? – проворчал король, вставая и направляясь к двери – нужно было вернуться в кабинет, оставались еще дела. – Что я тут ясли устрою?

– Или что отправишь обратно, – подсказал комендант замка, последовавший за ним.

– Не отправлю, – жестко отрезал Бермонт. – Зато сразу видно, кто осознал отцовскую вину, а кто и тут пытается схитрить. Вот что, Свенсен. Чтобы избежать повторного обна-

ружения в моей спальне готовых на все девиц – поговори с моей гвардией, с неженатыми офицерами. Девушек не обижать, относиться с уважением и присмотреться хорошо: если кто придется по сердцу, отдам в жены. Будем скреплять кланы с гвардией. Привяжем кровью, в следующий раз подумают, против кого идут. Да, Хиль, что с поисками подвески?

Их шаги громким эхом разносились по пустому коридору – похоже, придворные начали прятаться от своего короля.

– Мы допросили всех колдунов страны, кого смогли найти, – доложил Свенсен. – От ментальной проверки никто из них не отказался, о замыслах Рибера ничего не знают. Но есть зацепки. Несколько человек из темных исчезли почти сразу после свадьбы. Дома пусты, вещи на месте и никаких следов. Ищем, Демьян. Опрашиваем магов в кланах: если кто-то из глав связывался с Рибером, они должны знать. Нам бы линдморов допросить... но как это сейчас сделаешь?

Демьян промолчал, кивком отпуская подполковника. Потеря подвески была неприятна. Но еще неприятнее было то, что камень оказался кому-то настолько важен, что его не просто продолжали пытаться выкрасть – ради него принесли в жертву и бермана Эклунда, и колдуна Рибера, и короля Бермонта, который в свою очередь мог бы заразить почти всю верхушку берманских кланов.

Подвески ему не хватало – он привык к ее тяжести на шее, к ровной силе, которую она излучала. Правда, сил у него теперь, без подвески, было больше, чем раньше. До свадьбы.

И не мог он винить Полину за ее решение. Она себя не пожалела, что ей какой-то камень.

Больше всего ему хотелось забрать ее сейчас в загородную резиденцию, в глухой лес. Найти там старую берлогу, в которой он прятался, еще когда был подростком, обернуться и жить с женой под толстым покровом снега, в тишине безлюдных лесов. Носить ей дичь, спать рядом, показывать оленьи и заячьи тропы. Любить ее там, в старых волшебных лесах, помнящих еще лапу Великого Бера и напоенных его силой. И ждать медвежат. Если дети не заставят ее вернуться, то что?

Но страну оставить он не мог. Поля была ему дороже всей власти мира, но разве люди виноваты, что стоит ему удалиться – и покорные ныне линды снова втянут Бермонт в кровавую войну за корону?

По внутренней линии Демьян связался с коллегами и созвал их на внеочередной совет – обсудить сложившуюся ситуацию. Последней он набрал Василину. Попросил ее передать через посольство в Теранови приглашение драконьему Владыке и пригласил вечером навестить сестру.

И только потом, закончив дела, снова пошел к Пол.

Во внутреннем дворе, к его неудовольствию, было шумно и многолюдно. Точнее, многодетно. В лесу носились дети всех возрастов, визжали, кричали, плакали, матери, расположившиеся на травке, покрикивали и пытались призвать отпрысков к порядку. Но бесполезно. Какой-то мальчишка лет четырех, ничуть не боясь страшного короля, налетел на него, поднял голову, открыл рот в восхищении и потянулся за ножом, который Демьян носил на поясе.

Его величество детскую ручонку отстранил мягко, но непреклонно.

– Беги к матери, – сдержанно приказал он.

Дитя покрутило головой и обняло короля за ногу. Демьян вздохнул, поднял пацана на руки. Он очень хотел сейчас отдохнуть. И побыть с Полиной.

– Кто позволил? – поинтересовался он у гвардейцев.

– Ее величество, – сдержанно ответил один из бойцов. – Распорядитесь убрать детей, мой король?

Демьян качнул головой – он уже взглядом нашел мать, сидящую на траве среди встревоженных женщин, пошел к ней. Ребенок увлеченно ковырял золоченую пуговицу на форме.

Леди Редьяла спокойно улыбнулась сыну, поднялась, чтобы взять из его рук мальчишку и передать испуганной матери.

– Матушка, – почтительно, но твердо произнес Демьян. – Здесь детям не место. Не дай боги Пол кого порвет.

Королева-мать протянула ему руку.

– Пойдем, сынок. Посмотришь.

Они тихо прошли в глубь лесочка, почти к самому озеру. Леди Редьяла прижала палец к губам и кивнула куда-то меж деревьев.

– Смотри.

Там меховой горкой, вытянув лапы, лежала Полина и урчала. Нежничала. Вокруг нее сновали дети – трехлетние, четырехлетние, – какой-то малыш забрался на нее верхом и лежал, обнимая, какой-то примостился под лапу, и она вылизывала его, тыкаясь в живот мордой. Вдруг потянула носом воздух, повернула голову к мужу и прижала уши к голове, заскулила и поползла назад, подальше от него. Дети, недоумевая, кинулись за ней.

– Ребятам нужен воздух, – шепотом объяснила леди Редья-ла. – Я разрешила вывести, пока она спит, а она сама вышла к нам. Поначалу дичилась, а потом, смотрю, одного лизнула, другого.

– Черт знает что такое, – мрачно проговорил король.

– Ты ведь не запретишь? – с тревогой спросила матушка.

– Нет. – Он смотрел, как Поля задом отползла, развернулась и прыжком скрылась за деревьями. – Но сейчас я хочу побыть с ней.

Матушка не стала спорить. Созвала женщин, те собрали детей и молча удалились. А Демьян обернулся, встал на четыре лапы и снова пошел к жене. Звать, уговаривать и заново приучать не бояться себя.

Марина

Вечером в среду я намеревалась-таки навеститься к Кате. Подруга уже больше двух недель как вышла на работу в университет, и очень хотелось посплетничать, посмотреть на нее. Рассказать, наконец, о том, что произошло у нас в семье, не боясь сорваться в слезы или грубость.

Но днем позвонила Василина и коротко предупредила, что нас приглашают в Бермонт. И попросила не задерживаться на работе.

К залу телепорта я прибежала последней. Сестры, отец и Мари-ан уже ждали меня.

– Извините, – пробормотала я, – срочный гнойный аппендицит.

Вася поморщилась. Я послушно встала рядом с ней, наблюдая, как Зигфрид настраивает кристаллы на арке телепорта.

Встречал нас лично Демьян Бермонт. И смотреть на него было страшно. Одна Алинка пялилась на его желтые глаза и мелькающие во рту клыки с любопытством и пыталась зайти вперед, чтобы разглядеть получше. А я нутром чувствовала, что не нужно сейчас к нему лезть. Поэтому взяла сестричку за локоть и настойчиво придержала ее, отстав от основной группы на несколько шагов. Алина возмущенно глянула на меня, и я покачала головой.

– Тебе хватит того, – очень тихо сказала я, кивая на гвардейцев, мимо которых мы проходили, – что в твою сторону все встреченные берманы оборачиваются и принимают.

Глаза у этого невинного ребенка стали огромными, она покраснела и уже сама прижалась ко мне.

Мариан, даром что полнолуние уже прошло, крепко держал Васюту за руку и, кажется, едва сдерживался, чтобы не зарычать и не утянуть ее обратно в телепорт. Если честно, и у меня от диких глаз Бермонта и ощущения тщательно подавляемой им агрессии волосы дыбом вставали.

Вася же, словно не замечая исходящей от короля опасности и насупленности мужа, с Демьяном общалась ровно и спокойно. Он рассказывал о самочувствии Полины, обсуждал какой-то будущий совет, сестра отвечала деликатно и мягко, будто они на светском рауте находились. Ани шагала позади, рядом с Каролинкой и отцом, холодная и погрузившаяся в свои мысли.

Кажется, сестры так и не помирились.

На улице было уже темно. Погодный купол над внутренним двором едва заметно мерцал, окутанный снаружи сыплющимся мелким снегом, и по круглому щиту, как по стеклу, во все стороны съезжали тоненькие ручейки поземки, закручиваемые ветром. Во дворце, окружающем двор, светились окна, но в них не было видно людей. Словно он был совершенно пуст, не считая охраны. В лесочке горела пара фонарей, ухали совы, что-то шуршало и чавкало. Жутковато так. Бермонт провел нас на освещенное пространство и коротко попросил:

– Подождите.

Через пару секунд рядом с нами встал огромный медведь. Склонил голову, нюхая землю, и потрусил в лес. И через несколько минут вернулся с отчаянно зевающей маленькой медведицей. Маленькой по сравнению с ним, конечно. Мне нынешняя Пол была по грудь. А в сторону Демьяна я лишний раз старалась не смотреть.

Он порывкивал и подталкивал ее носом в бок, медведица тяжело вздыхала и шлепала к нам. Глаза ее были совсем сонными. И звериными. Замерла неподалеку. Оскалилась и зарычала – и тут же притихла, остановленная коротким твяканьем огромного Демьяна.

Так мы и стояли напротив друг друга под фонарем, окруженные лесом, – молчаливые и подавленные дети дома Рудлог и наша сестра, превратившаяся в дикого зверя. Полины в ней я не чувствовала.

Молчание наше приобретало истерический оттенок: я закусила губу, рядом всхлипнула Алина, уткнулась лицом в грудь отца Каролина. Вася стояла бледная как мел.

Ани вздохнула, решительно вышла вперед, подошла к мохнатой Пол и обняла ее – я похолодела, ибо тонкая шея сестры оказалась прижата к зубастой пасти. Медведица стояла не шевелясь, только ворчала угрожающе, поджав уши и набычившись, и косилась на молча возвышающегося рядом зверя. Снова зевнула во всю пасть – и это словно сорвало нас с места. Мы рванули к ней, не слыша уже предупреждающего рычания короля Бермонта, окружили, начали обнимать и гладить. И звать.

Полина, Полиночка! Сестричка!

Гомон и писк стоял невозможный, и я, прижимаясь щекой к теплему, пахнущему животным меху, подумала, что на месте Поли точно бы нас покусала.

В конце концов она, вилая задом и прижимая голову к земле, с утробным ворчанием уползла назад и в несколько прыжков скрылась в лесу.

– Ну, она выглядит довольно бодро, – произнесла я сдавленно-оптимистично и сама почувствовала, как фальшиво это прозвучало. Сестры посмотрели на меня с укоризной. Мы, встрепанные, с покрасневшими глазами, приходили в себя. И понуро отправились обратно вслед за медведем-Демьяном. Он довел нас до телепорта, так и не обернувшись. Коротко рыкнул на прощание и, не дожидаясь, пока мы уйдем в переход, ушел из зала.

Я его не осуждала. Хотя, конечно, это было не только против всех норм этикета, но и против простой вежливости.

Трудно быть вежливым, когда хочется кого-нибудь убить. И когда чувствуешь такую вину.

Пока придворный маг Бермонта настраивал телепорт, Василина о чем-то напряженно раздумывала. И, уже когда мы вышли в нашем дворце, решительно сказала:

– Девочки. Я хочу, чтобы вы все умели защитить себя. Чтобы ни с кем больше не произошло того, что случилось с Полей. Поэтому в выходные будем заниматься. Ангелина, ты под-

держишь меня? Ты говорила, что Владыка Нории помогал тебе освоить родовой дар. Считаю, – добавила она, твердо глядя в холодные глаза старшей сестры, – что мы обязаны научить девочек всему, что умеем и что они способны освоить. Алина уже может тренироваться, а Кариша пусть пока просто посмотрит.

Мы, как всегда в последнее время, настороженно замолчали, наблюдая за продолжающимся и нервным всех нас противостоянием старших. Отец глядел на Васю с Ани и хмурился. Но Ангелина не стала спорить. Кивнула и отвернулась.

Чуть позже, когда мы перед ужином расходились по своим комнатам, я увидела, как Вася догоняет входящую в дверь своих покоев Ангелину.

– ...Не считаешь, что нам наконец-то нужно поговорить? – долетел до меня ее голос.

Жаль, что у меня не хватило наглости остановиться и подслушать дальше. Впрочем, звуков из покоев Ани было достаточно, чтобы составить себе картину происходящего.

Василина

Королева Рудлога вошла в покои старшей сестры и остановилась у двери. Хозяйка гостиной прошла дальше, повернулась. В глазах не прочесть ничего. Та самая хваленая выдержка, которой самой молодой правительнице так не хватало.

– Ани, – сказала Василина твердо, хотя внутри вся трепетала: никогда она не умела противостоять старшей, да никогда и не вставала против нее. – Нам всем тяжело. Нам всем плохо. И я сполна чувствую и вину, и боль за то, что не смогла уберечь Пол. Но я отказываюсь извиняться за свое решение. Если бы сейчас меня снова поставили перед выбором, я бы поступила так же.

– Я это понимаю. И разве требую извинений? – сухо спросила старшая Рудлог.

– Ты уже вторую неделю демонстрируешь, как я неприятна тебе, – резко ответила королева. – Мне надоело, Ани. Мы выясним всё здесь и сейчас, и я хочу, чтобы, когда мы договорим, больше недопонимания между нами не было. Мне плохо от этого. И семья всё видит.

– А мне плохо от того, что ты не поддержала меня, – ледяным тоном парировала Ангелина. – Мне плохо, что Поли с нами нет. Твое слово могло переломить ее убеждение.

– Оно бы переломило ее жизнь! – Василина в отчаянии топнула ногой: спокойствие слетело мгновенно, как и не было его. – Боги, Ани, да включи ты мозги, наконец! Сейчас мы имеем живого Демьяна и надежду для Поли. Если бы мы ее отговорили, Демьян был бы мертв. И Полина бы не справилась с этим!

– С нашей помощью бы справилась, – отрезала Ангелина, не повышая голоса. В гостиной ощутимо похолодало. – Все можно пережить. Пережили же мы смерть мамы. Любовь – не то чувство, которое нельзя заглушить.

– Откуда тебе знать? – горько спросила Василина. – Ты думаешь, я слепая? Думаешь, отшвырнула своего дракона и рано или поздно в душу придет мир? Не придет, Ани. Не придет. И ты поймешь это. Поймешь, что нельзя так жить. И я бы не смогла без Мариана, если бы знала, что могла спасти его и не сделала этого. И Полина бы не смогла.

Ангелина не опускала взгляда, но лицо ее постепенно бледнело и глаза светлели, превращаясь в куски льда. Василина не видела себя со стороны – но в гостиной уже щелкал занавесками ветерок, и под ногами сестер ковер схватывался узорчатым инеем.

– Я, – очень четко произнесла Ани, – не желаю обсуждать свои отношения с Нории ни с кем. И я не хочу больше слышать этого, Вася.

– А придется! – зло крикнула королева. – Потому что, кроме меня, вас перед ритуалом видели и слышали и Гюнтер, и Луциус. А после – половина двора Бермонта. И я хочу понимать, чего ждать дальше. Я хочу знать, что произошло в Песках, черт побери! Потому что я

беспокоюсь за тебя! У меня стойкое ощущение, что ты загоняешь себя в пропасть, Ани! Если ты любишь его...

– Не люблю, – отчеканила Ангелина. По стенам с треском побежала изморозь, с жалким звоном взорвалась и осыпалась люстра.

– Не ври мне! – крикнула Василина.

С сухим треском начали лопаться окна, и занавески больше не трепетали – стучали по стенам, покрывшись льдом.

– Почему ты врешь? – в бешенстве кричала королева на замораживающуюся прямо на глазах, застывшую, как статуя, Ани – по ее одежде, по волосам бежали вверх полосы инея, и веяло от нее таким холодом, что ковер стал скручиваться, поднимаясь. – Неужели ты думаешь, что я перестану уважать тебя или восхищаться тобой за это? Или кто-то из нас? Ани, да мы счастливы будем, если ты хоть раз проявишь слабость! Поля в шкуре медведицы живет тебя! Нельзя хоронить себя заживо! Боги! Да крикни ты! Поплачь!

– Не смей разговаривать со мной в таком тоне, – каким-то утробным голосом процедила Ангелина. – Уйди, Василина, немедленно!

– Нет! – жестко и яростно рявкнула королева. Застонали от мороза стены, и гостиная не выдержала – полетели навстречу осколки стекол, лепнины и сворачиваемые в щепу столики и стулья, клочьями под вой ветра начал рваться ковер, и одежда сестер тоже потянулась друг к другу – они же обе чуть отклонились назад, скрестив взгляды, тяжело дыша и стараясь успокоиться. Предметы до них не долетали – осыпались золой и каплями расплавленного стекла у ног. Грохот стоял страшный, будто гигантский механизм со скрежетом быстро перемалывал огромные камни.

И закончилось все почти одновременно – стуком щепы и осколков, осыпавшихся на пол, когда улегся локальный ураган. Вася покачнулась, оперлась о щиплющую пальцы сухим холодом стену; Ани стояла прямо и прерывисто, с сипами дышала. И долго старшие дочери дома Рудлог молчали, приходя в себя под похрустывание льда и шелест ветра в разбитых окнах, ожидая, кто из них заговорит первой. Так долго, что от стен и пола потянулись вверх языки тумана.

– Хорошо, что мы раньше не ссорились, – устало произнесла Ангелина, оглядываясь. Королева потрясла головой и очень по-взрослому жестко хмыкнула:

– Все еще сердишься на меня?

– Я люблю тебя, Василина, – сдержанно сказала Ани. – Наверное, я вас всех слишком люблю. Поэтому, прошу, не спрашивай меня о Песках. Я расскажу... Возможно, расскажу когда-нибудь.

– Больно? – тихо уточнила королева.

– Невыносимо, – ровно подтвердила Ангелина. Василина потрясла одной ногой, другой, расшвыряла носком туфли обломки вокруг и с облегчением уселась на пол. И Ани, шурша щепками и рискуя порезаться, проследовала к подоконнику, прислонилась спиной.

– Что тебе нужно знать... я не выйду за Дармоншира, Василина.

– Как будто я слепая, – грустно ответила королева. – Зачем этот спектакль?

Ани пожала плечами.

– Купировать сплетни, умиротворить Инландера и дать время остыть Марине. В последнем я очень не уверена, Вась. На одно рассчитываю: что если он возьмет ее, то у него хватит чести предложить ей руку и имя. И наша Марина не откажется из принципа. Он... интересный человек. Не слабый, Василина. Далеко не слабый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.